

Сергей
ЗВЕРЕВ

МАСТЕР ликвидаций

МАЭСТРО

ЭКСМО

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Сергей Зверев
Мастер ликвидаций

«Научная книга»

2001

Зверев С. И.

Мастер ликвидаций / С. И. Зверев — «Научная книга», 2001

Совершить преступление легче, чем организовать его. Частные детективы Павел Андронов и Маргарита Волошина хорошо знают это. Поэтому их интересуют не конкретные похитители молодых женщин, требующие потом за похищение выкуп, а те, кто стоит за ними. Но нити, ведущие наверх, рвутся, свидетели мрут как мухи... Значит, надо раздражить зверя, чтобы он высунулся из логова. Что ж, Павел и Марго готовы рискнуть своей жизнью...

© Зверев С. И., 2001

© Научная книга, 2001

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
1	5
2	6
3	8
Глава 2	12
1	12
2	17
3	19
Глава 3	22
1	22
2	25
Глава 4	27
1	27
2	28
3	31
4	32
Глава 5	35
1	35
2	36
3	38
Глава 6	40
1	40
2	43
3	45
4	47
Глава 7	49
1	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сергей Зверев

Мастер ликвидаций

Часть первая

Глава 1

1

На эту новенькую сумку из дерматина он положил глаз еще утром, но ему никак не удалось незаметно вытащить ее из мусорки. Светка, старая перечница, чтоб ей пусто было, не отходила от него ни на шаг, и если бы она засекла его с этой сумкой, то пришлось бы делиться добычей. А делиться он не хотел. Он и так позволяет Светке слишком многое.

А сумка, судя по всему, была набита до отказа. Вопрос только – чем? Если старым шмотьем или пустыми бутылками из-под пива, то день, считай, удался. Шмотки можно оставить себе – зима не за горами. А бутылки – сдать. Глядишь, и на опохмелку хватит, и на закусь. Плохо, если в сумке окажется какая-нибудь туфта типа пожелтевших от времени газет. Хотя, если пораскинуть мозгами, и газеты можно куда-нибудь пристроить...

Погрузившись в свои мечты, Профессор так разомлел на солнышке, что не заметил, как его «боевая подруга» куда-то слиняла. Опомнился, когда услышал звон разбитого стекла. Вскочил и чисто инстинктивно посмотрел на мусорные контейнеры. Так и есть – Светка, драная кошка, рылась как раз в том месте, где лежала «заветная» сумка, заботливо заваленная мусором.

– Сука! – сквозь зубы процедил Профессор и вскочил, совсем позабыв про больную ногу. В этот момент Светка как раз докопалась до сумки. Рывком извлекла ее на свет божий, бросила вороватый взгляд в сторону Профессора и, заметив, что тот уже отошел ото сна, бросилась наутек.

Не помня себя от злости, Профессор припустил за Светкой, прекрасно сознавая, что ему ни за что ее не догнать. Светка, хотя и вела неупорядоченный образ жизни, бегала шустро, как заяц. Чему удивляться: вся жизнь ее состояла из одних «догонялок» – то от ментов смывалась, то от таких же, как она сама, бомжей. Икорные мышцы накачала – будь здоров. Зная все это, Профессор тем не менее и не подумал остановиться: очень уж обидно было за свой трофей. Ведь Светка, если рассудить, даже распорядиться им как следует не сумеет – пропьет все за один вечер...

Профессору повезло – Светка, уже отбежавшая десятка на три метров, вдруг упала. Зацепилась за что-то, беделлага. Грохнулась со всего размаху на асфальт, но сумку, сука, из рук не выпустила! Профессор поднатужился, сделал последний рывок и – вот он, заветный трофей, у него под носом! Правда, Светка, сволочь подзаборная, вцепилась в него мертвой хваткой. «Мое!» – орет и ни в какую не отпускает. Пришлось врезать раз-другой по почкам, сразу стала шелковая.

«Все-таки с бабами только так и надо! – думал Профессор, волоча тяжелую сумку в подвал, где он жил вот уже без малого полтора года. – Когда с ними по-хорошему, они на шею садятся. А стоит разок отмесить как следует, сразу понимают, что к чему!»

От предвкушения редкой удачи у него даже слюнки потекли. Однако он не спешил. Поставил сумку на ящик из-под импортного пива, пару минут полюбовался на нее и мед-

ленно, очень медленно принялся расстегивать молнию... В нос ударил неприятный сладковатый запах, но Профессору было не до таких мелочей – его интересовало содержимое сумки, аккуратно прикрытое непрозрачным полиэтиленовым пакетом. Осторожно приподняв пакет, Профессор замер. Тут же на смену изумлению пришел страх, в желудке что-то оборвалось, горло свело рвотными спазмами – перед ним лежали женские руки. Нет, не муляжи, хотя в первое мгновение Профессор подумал именно об этом, а самые натуральные конечности, аккуратно обрубленные под локоток. Что было под ними, Профессор смотреть не стал, но он не был властен над своим воображением, которое старалось всюю, что, в конце концов, вылилось в настоящий приступ истерии. Профессор хотя и жил в некомфортабельных, мягко говоря, условиях да и дружбу водил не с образцово-показательными гражданами, такое видел впервые...

2

К вечеру настроение у Петра Кузьмича Кудрявцева испортилось вконец – почти неделю от Кати не было ни слуху, ни духу, и он понятия не имел, где искать чертову девку. Катин муж – Веня Гольцев, тридцатипятилетний, начинающий полнеть мужчина, – в отличие от самого Кудрявцева, вел себя на удивление хладнокровно. В глубине души Кудрявцев даже позавидовал его олимпийскому спокойствию. Шутка ли – молодая жена шляется неизвестно где, а он сидит себе на кожаном диванчике, блестящем, как новенькая португепя, кофеек попивает и еще пытается рассуждать о высоких материях. Эх, не зря же он противился этому браку, не зря... Хотя для дуры Катьки, которая и школу-то закончила с грехом пополам, брак с перспективным бизнесменом Гольцевым был как нельзя более кстати.

«И что это он, умница и далеко не урод, в ней нашел? Ни кожи, ни рожи, ни мозгов...» – этот вопрос Петр Кузьмич задавал себе неоднократно, но так и не смог сформулировать на него убедительного ответа. Хоть Катька и была его единственной и горячо любимой племянницей, он прекрасно видел все ее недостатки. Катьку в этой жизни, кроме шмоток и мужиков, ничто не интересовало. Она даже готовить как следует не умела. А то, что на первых порах творилось в огромной четырехкомнатной квартире, в которую молодожены въехали сразу после свадьбы, и вспоминать страшно. Грязные рубашки и носки валялись где попало, магазинные пельмени (единственное блюдо в Катином репертуаре) почему-то каждый раз превращались в клейкую, липкую массу. Слава богу, Веня вовремя сообразил, что его женушка не создана для поддержания огня в домашнем очаге, и поспешил нанять прислугу. После этого быт маломальски наладился, но, как видно, беспутной Катьке безделье не пошло на пользу. Шляется вот неизвестно где...

– Петр Кузьмич, да куда она не денется, – мягкий, вкрадчивый тенорок Вени заставил Кудрявцева ненадолго отвлечься от невеселых воспоминаний. Однако, несмотря на заверения зятя, он никак не мог избавиться от ощущения, что больше никогда не увидит свою племянницу живой и невредимой. И ощущение это подпитывалось не мещанским паникерством, а основательным знанием положения дел с преступностью в столице.

А Веня, невозмутимо спокойный Веня между тем гнул свою линию, при этом не забывая прихлебывать кофе из миниатюрной чашечки настоящего фарфора:

– Петр Кузьмич, вы поймите, Катюша ведь такая рассеянная. Вполне возможно, что встретила в городе старую приятельницу, а та предложила ей поехать отдохнуть на какую-нибудь турбазу. Катюша загорелась и забыла дать мне знать. А может, и звонила, но не застала меня в офисе. А информацию через секретаршу она не передает принципиально.

«Старая приятельница – это очередной ухажер», – догадался Кудрявцев и даже скрежетнул зубами от бессильной ярости.

– Эта стерва что, и раньше позволяла себе такое?

Веня, чуть помедлив, кивнул. Его выпуклые, как у коровы, глаза слегка затуманились, он вздохнул:

– К сожалению, мы уже через это прошли... Так что обращаться в милицию не стоит... Только стыда наберешься... Погуляет, погуляет и вернется.

– А ежели не вернется?

– Попомните мое слово, Петр Кузьмич, вернется. За три года совместной жизни я изучил Катюшу «от» и «до». Однажды она пропала на три недели. Я все больницы обзвонил, все морги объездил. Поднял на ноги всю столичную милицию. Чуть с ума не сошел от страха. А она, оказывается, со скуки на Кипр мотанула. В Москве как раз дожди зарядили, я уехал в командировку, ей, бедненькой, было совсем тоскливо.

«Если Катька выкидывает такие фортеля не в первый раз, то какого хрена ты столько лет терпишь рядом с собой эту шлюху?» – так и хотелось спросить Кудрявцеву, однако он промолчал. Не его это дело – вмешиваться в чужую семейную жизнь. Не его масштаб. А если этот остолоп Венька смотрит на Катькины выкрутасы сквозь пальцы, значит, на то есть свои причины. Может, он импотент? Или вообще голубой?

– Значит, ты против милиции? – на всякий случай переспросил Кудрявцев. – Может, все же позвонить начальнику угро? Он – друг моего бывшего шефа. Вместе рыбачат. Если надо, поднимет на ноги своих лучших сыщиков. Они тебе Катьку из-под земли достанут.

– Ну зачем же так, Петр Кузьмич? – мягко возразил Веня. – У людей и без этого полно забот. Мне прямо неловко перекладывать на них свои проблемы... Между прочим, я давно хотел сказать вам, да все не решался. В последние дни вы что-то неважно выглядите. Бледны, осунулись. Может, вам поехать домой и немного отдохнуть?

«Тебя бы на мое место, и ты был бы похож на бледную поганку», – подумал Кудрявцев и как можно вежливее сказал:

– Нет-нет, домой я поехать не могу.

– У вас усталый вид. Поезжайте. – Веня был на удивление настойчив. – А хотите, я позвоню нашему семейному доктору? Он приедет прямо к вам, давление измерит, сердце прослушает.

Только сейчас до Кудрявцева дошло, что его просто-напросто выпроваживают. А он-то, старый дуралей, решил посидеть у Веньки подольше, поддержать его морально. Не нуждается этот бизнесмен хренов в его поддержке. А ведь еще два года назад без совета и шагу не мог ступить: «Петр Кузьмич, а что вы думаете по этому поводу? А как бы вы поступили на моем месте?..» Зато теперь, когда власть в ФСБ переменялась и Петра Кузьмича вот-вот могли «попросить на пенсию», Венька, сучонок неблагодарный, отреагировал на это первым!

Кудрявцев едва не задохнулся от возмущения, едва не заехал стервецу по его поганой роже, но вовремя сумел взять себя в руки. Если рассуждать здраво, то откуда Веньке-то знать о его предполагающейся отставке. Откуда, если сам Кудрявцев еще не уверен – состоится ли эта отставка вообще... Слухи слухами, а сколько раз бывало, что тот, кого собирались уволить, становился чуть ли не первой скрипкой в оркестре...

Объяснение нетактичному поведению зятя было тут же придумано: просто-напросто нервничает. Все же Катька – его жена, и никакой он не бесчувственный чурбан, каким хочет казаться. Словом, вместо того чтобы устроить Веньке разнос по полной программе, Кудрявцев через силу улыбнулся.

– Ладно, уговорил. Пожалуй, поеду к себе.

– Поезжайте, Петр Кузьмич, поезжайте, – зять суетливо вскочил с дивана и первым направился к выходу. Кудрявцеву ничего не оставалось, как пойти за ним.

Уже стоя в прихожей и глядя в Венькины коровьи глаза, он сухо сказал:

– Если будут новости – дай мне знать. Звони в любое время дня и ночи.

– Непременно, Петр Кузьмич, непременно. Как только Катюша объявится, сразу позвоню.

От поспешных обещаний зятя здорово попахивало фальшью, и Кудрявцев вдруг понял, что ничуть не осуждает беспутную Катюку. Ну разве можно жить под одной крышей с человеком, который только и делает, что пытается сгладить острые углы. Всем задницу лижет, стелется перед каждой собакой – только бы на его счет не подумали ничего дурного. Скользкий, как уж. Это называется «хорошим воспитанием». Но рано или поздно, «хорошее воспитание» приедается. Как приторно-сладкая конфета. Становится противно до тошноты. Так что если Катюка нашла этому лицемеру замену – флаг ей в руки...

Выйдя из квартиры Вениамина, Кудрявцев вздохнул с облегчением. Дышать сразу стало легче, хотя на лестничной площадке было здорово накурено. На этот раз Кудрявцева несколько не раздражал сигаретный дым. По крайней мере, это был живой, человеческий запах. А в квартире у Веньки пахло чем-то приторно-сладким. Французскими духами, что ли? Странно, конечно, если духами. Катюки нет вот уже неделю, и запах, по идее, должен был давно выветриться...

В любое другое время Кудрявцева профессионально насторожило бы это несоответствие, но он был так озабочен исчезновением племянницы и так торопился покинуть квартиру зятя, что не мог думать ни о чем другом.

3

«Части расчлененного тела принадлежат одному и тому же человеку. Пол: женский. Возраст: 20–22 года. Рост: 172 сантиметра. Время расчленения: сутки назад. Причина смерти: огнестрельное ранение. Расчленение производилось спустя несколько часов после смерти с помощью острого рубящего предмета – предположительно топора. О чем свидетельствует характер ран – резаные, линейной формы, с прямыми и ровными краями».

Почувствовав потребность закурить, капитан Бондаренко оторвался от заключения судебно-медицинской экспертизы.

Он вошел в прозекторскую несколько минут назад. Вошел, заранее зная, что ждет его за широкими металлическими дверями. Однако, увидев на столе мраморно-лиловые куски человеческого тела, все-таки побледнел.

– Что, впечатляет? – насмешливо спросил Шура Шевцов – судебный патологоанатом, смуглый, юркий, глазастый.

Конечно, он мог позволить себе такие шуточки – привык жрать бутерброды, не отходя от рабочего места. Извращенец, ей-богу! Однако специалистом Шевцов был отменным. Наверное, поэтому и не отказывал себе в удовольствии пустить шпильку в адрес каждого, кто потел и бледнел, попадая в судебно-медицинскую лабораторию.

Бондаренко сделал вид, что не слышал язвительной реплики. Взял со стола заключение, надел очки и углубился в записи.

Первую сумку с человеческими останками обнаружили сегодня утром. Житель одного из близлежащих домов наткнулся на нее чисто случайно: вывел во двор свою собаку, нежно-розового бультерьера, а тот неожиданно для хозяина сорвался с поводка и со злобным лаем помчался к мусорным контейнерам. Прыгнув в один из них, вытащил большую спортивную сумку. Вцепился в нее зубами, стал яростно грызть ткань, при этом громко подвывая. Мужик попытался оттянуть псину – и вдруг увидел, что днище сумки насквозь пропитано запекшейся кровью...

На место обнаружения сразу выехала дежурная бригада из окружного УВД. Покрутились вокруг, допросили свидетеля, но никаких стоящих улик не обнаружили. Сумка – новенькая, только-только из магазина. А ее содержимое – сплошной «фарш». В фигуральном смысле,

конечно. На ручках – никаких отпечатков, кроме следов собачьих зубов. Вокруг места обнаружения здорово натоптано. Никто из жителей, как обычно, ничего не видел и не слышал.

Впоследствии выяснилось, что так же – или почти так же – обстояло дело еще с двумя идентичными сумками, купленными (для отвода глаз?) в различных магазинах и вместивших в полном объеме расчлененное тело. Шура Шевцов шутил, что мог бы за соответствующее вознаграждение соорудить из отдельных деталей полноценный труп.

Достаточно перспективной казалась версия о серийном убийце. Тем более что полтора года назад аналогичный случай произошел в Одинцово. Там тоже нашли расчлененный труп, упакованный в новехонький чемодан. И огнестрельное ранение оказалось налицо, и жертва была до неприличия молода – неполных семнадцать. Опознать-то девчонку опознали, но преступника так и не нашли. Улик было маловато.

На том и сошлись, что только психически неуравновешенный человек мог додуматься до такого – застрелить жертву, а потом аккуратно разрубить ее топориком и, упаковав останки в три спортивные сумки, во время вечерней прогулки поочередно вынести эти сумки в три разных контейнера с мусором. Потом вернуться домой, тщательно убрать квартиру, плотно поужинать и завалиться на диван перед телевизором... Именно поэтому в состав оперативно-следственной бригады включили капитана Бондаренко – «крупного спеца по маньякам». Два года назад ему практически в одиночку удалось вычислить некоего спортсмена, на счету которого было около двадцати жертв. Он убивал их отточенным ударом по шее – ломал шейные позвонки, а затем всегда вырезал печень и скармливал ее своей сиамской кошечке. Тогда капитану помог случай – страстный любитель животных, обычно весьма осторожный, обронил на месте преступления билет на матч московского «Спартака». На билете имелись кое-какие записи, которые и навели на след...

В то утро, когда обнаружили злосчастные сумки с останками, Бондаренко отрабатывал свой законный выходной на даче. Его сняли вечером прямо с электрички, привезли в управление, ознакомили со всеми протоколами и пообещали повысить в звании, если он раскроет это преступление.

Бондаренко, конечно же, упирался руками и ногами: на нем мертвым грузом висело еще несколько «горячих» дел. Взять хотя бы недавний «заказник», когда метким выстрелом из снайперской винтовки был убит Кузин – папа столичного рэкета. Ну, тут хотя бы все ясно – бандитские разборки. А вот кому понадобилось убивать красивую молодую бабу, а затем прятать ее останки в мусорных контейнерах?.. Но против начальства, как известно, не попрешь. Их дело – приказывать. Твое – выполнять приказы...

От предчувствия долгого и мучительного расследования, которое, скорее всего, зайдет в тупик, у Славы Бондаренко разболелась голова. Он знал, что ловить маньяков – дело неблагоприятное. Эти сволочи, как правило, ничем не выделяются из толпы. Частенько у них достаточно развитый интеллект, безупречное поведение в быту – вывести таких на чистую воду можно разве что по случайности. Хорошо, если удастся в кратчайшие сроки установить личность убитой. А если нет? Вдруг эта девчонка – не москвичка? Приехала в столицу из ближнего зарубежья, чтобы заработать бабки, не подозревая, что тут таких охотниц до заработка – пруд пруди. Дурочка и думать не думала, что ее последним пристанищем станет мусорный контейнер...

– Если тебя интересует мое мнение, то ищи профессионала, – голос Шуры Шевцова прозвучал так неожиданно, что Бондаренко вздрогнул и едва не уронил протокол допроса. Надо же, он так углубился в свои размышления, что совсем забыл, где находится!

– Что ты сказал?

– Тот, кто ее расчленил, окончил, как минимум, три курса медицинского, – повторил Шевцов и приглашающе махнул рукой – дескать, поди, полюбуйся.

Преодолевая отвращение, Бондаренко подошел к столу. Он смотрел на куски тела и думал о том, что сегодня вечером напьется до свинского состояния. Да, напьется, и плевать ему на то, что по этому поводу скажет его благоверная...

– Видишь, какой тут ровный надрез! – тем временем продолжал Шевцов. – У дилетанта рука точно бы дрогнула... А здесь чувствуется частая практика. Он – либо патологоанатом, либо рубщик мяса.

«Боже, какие мерзости он говорит!» – пронеслось в голове у Бондаренко.

Однако оторвать взгляда от останков, разложенных на столе, он не мог. Теперь это было так же трудно, как заставить себя смотреть на них. Не верилось, что когда-то все это складывалось воедино и принадлежало молодой красивой женщине. Капитан уголовного розыска Слава Бондаренко богатым воображением не обладал, но, глядя на правую руку потерпевшей, на которой чудом сохранилось малюсенькое колечко с бриллиантом, на ее холеные, обескровленные пальчики, он вдруг усомнился, что перед ним – «ночная бабочка», приехавшая из провинции за куском «легкого хлеба».

Колечко было, скорее всего, обручальное. Причем, сделанное на заказ. Да и носилось на безымянном пальце, что только подтверждало его сомнения. Дарить такие подарки проституткам было бы нелепо. Ну какой уважающий себя богач возьмет в жены шлюху, пусть и бывшую? Значит, потерпевшая либо украла это кольцо, либо в самом деле была замужем. И замужем не за простым бедным смертным...

«У меня разыгралась фантазия, – пытался переубедить себя Бондаренко. – Если эта девушка – из порядочной семьи, то ее давно бы хватились. А утром я просматривал все заявления о пропавших без вести. И там не было никого, кто бы подходил по приметам...»

– Шура, ты обратил внимание на кольцо? – тихо перебил он патологоанатома.

Шевцов обиженно замолк:

– Я же не слепой.

– Что скажешь по этому поводу?

Эксперт наклонился над останками и деловито снял кольцо с пальца. Поднес к глазам и, что-то бормоча себе под нос, принялся с интересом его рассматривать.

– Тонкая работа! – с непонятым воодушевлением заключил он. – Я, конечно, не эксперт по «ювелирке», но моя бывшая женушка от счастья уписалась бы, если бы получила такой подарок.

– Тогда какого черта преступник оставил его на пальце? Оно ведь золотое... И стоит кучу бабок.

Шевцов пожал плечами. Видимо, по этому поводу у него не было никаких соображений.

– Может, торопился? – неуверенно начал он. – А может, решил не рисковать. Колечко-то приметное. Носить его просто так не будешь – враз опознают. Сдавать в скупку – тоже рискованно...

– Так, о «ювелирке» и о мясниках мы поговорили. Теперь хочу поподробнее узнать мнение профессионала о причинах смерти.

– Причинах? Огнестрельное ранение в голову. – Шевцов ткнул пальцем в круглую, почти незаметную дырочку на виске потерпевшей. – Входное отверстие круглое. Видишь следы копоты? Значит, стреляли в упор. Из пистолета среднего калибра...

– О господи! – простонал Бондаренко. – Только этого мне не хватало: маньяк с пистолетом, окончивший курсы рубщиков мяса!

– С медицинским образованием, – добавил Шевцов.

– Да, психологический портрет преступника почти готов... Шура, а может, это ты прикончил бедную девушку? Кто-кто, а судебный медик Александр Шевцов вполне вписывается в нарисованную мною картинку. Одинокий, а значит, сексуально озабоченный – раз. В драгоценных металлах разбирается – два. Высшее медицинское имеет – три.

На лице Шевцова появилось некое подобие улыбки.

– Четыре – имеет разрешение на пистолет «ТТ», – как ни в чем не бывало добавил он. – Калибр соответствует.

Глава 2

1

Звонок мобильного грубо ворвался в ее сон, развеял в пух и прах фантастические образы и впился в подкорку мозга жалом настырной осы. Маргарита, не открывая глаз, нащупала трубку:

– Слушаю...

– Доброе утро! – громыхнула трубка голосом Павла Андропова – ее напарника и компаньона. – Не подскажешь, который час?

Машинально взглянув на будильник, Маргарита так же машинально ответила:

– Половина седьмого... – и, тут же, осознав курьезность заданного вопроса, взорвалась: – Андронов, ты – идиот! Я же сплю!

– Спишь? Извини. Я не знал.

Его бесцеремонный тон разозлил Маргариту не на шутку.

– Не знал?! А чем, по-твоему, занимаются нормальные люди в полседьмого утра? Стоят на голове? Или пьянствуют?.. Или трахаются, как кролики?.. Ты хоть понимаешь, что ты надевал, кретин?.. Я же вчера легла в два, а уснула и того позже!.. – Она спешила высказаться, боясь, что Павел, не выдержав ее напора, прервет разговор. Но тот, судя по всему, запасся терпением надолго – слушал ее «душевные» излияния без всяких комментариев, лишь иногда вставляя глубокомысленные «н-д-а-а». Маргарита даже опешила от такой деликатности.

«Что-то произошло», – наконец догадалась она и, сменив гнев на милость, спросила:

– Ну-ка, давай выкладывай, какого хрена ты разбудил меня ни свет ни заря?

Конечно, на подробные объяснения Маргарита не рассчитывала, но и не ожидала, что Павел будет столь лаконичен.

– Встречаемся в агентстве в восемь тридцать. Не опаздывай, – вот и все, что соблаговолил сказать ее дражайший напарник, после чего преспокойно положил трубку.

Слушая частые короткие гудки, Маргарита от души выматерила Павла и, отключив мобильный, решительно откинула одеяло. Кошка Дуся стрелой метнулась под ноги и истошно замыкала, выпрашивая свой завтрак. На ее пушистой мордочке так явно читались подоби- страстие и готовность услужить, что даже самый бездушный хозяин немедленно бросился бы на кухню и отвалил бы кошке огромный кусок салями. Обычно Маргарита так и поступала, но сегодня решила не идти на поводу у хитрющего животного. Игнорируя вопли любимицы, прошла в ванную. Закрыла за собой дверь, включила воду и, вооружившись зубной щеткой, принялась с остервенением драить зубы.

Злость и раздражение на Андропова не проходили. Ну какого черта, спрашивается, надо было звонить в половине седьмого утра и назначать встречу на восемь тридцать? Два часа на наведение марафета тратят только домохозяйки, но никак не деловые женщины, к категории которых Маргарита причисляла себя. Еще бы в пять позвонил, перестраховщик хренов!

За шесть месяцев их совместной работы у Павла была возможность изучить ее «от» и «до», а он, сволочь этакая, ничего дальше своего носа не видит... Эгоист хренов!.. Впрочем, чему удивляться – все мужики такие... Баб они за людей не считают и обращают на них внимание только в весьма конкретных случаях...

Неожиданно для самой себя Маргарита успокоилась. Да что она гонит на бедного Павла, если он тут совершенно ни при чем? Полковник Саранский – вот главный виновник того, что уже год она живет, как в монастыре! Дом да работа. Ни подруг, ни любовников, ни светских вечеринок. Даже привести в дом мужика, как это делают миллионы нормальных женщин, она

не может, не проконсультировавшись со своим куратором. Если он одобрит выбранную ею кандидатуру, тогда – пожалуйста. Но только держи под рукой сотовый, чтобы по первому зову все бросить и мчаться туда, куда позовет «партия»... Да-а-а, агент особого отдела по кличке Марго всегда должна быть в полной боевой готовности...

В особый отдел ФСБ их с Павлом завербовали почти одновременно. Сначала его, а затем – ее. А вся эта история началась больше года назад, в октябре девяносто восьмого. Тогда она, никому неизвестная адвокатесса, пришла в Лефортово на встречу с Павлом. Его, бывшего офицера спецподразделения «Альфа», обвиняли в преднамеренном убийстве, которого он не совершал. Маргарита, поддавшись на уговоры бывшей жены Андропова, взялась его защищать. Знала бы, что ей предстоит пережить, не подошла бы к Павлу и на километр! Но тогда ей, дуре набитой, казалось, что дело не такое уж и безнадежное. Хотелось доказать всему миру, что и она чего-то стоит.

Путь к истине был долгим и трудным. Свидетели, которые могли подтвердить невиновность Андропова, погибали один за другим. Вещественные доказательства невероятным образом исчезали. Самой Маргарите только чудом удалось избежать смерти. И тогда она поняла: кто-то, могущественный и наделенный властью, делает все возможное, чтобы помешать ей спасти Павла. Чуть позже ей стали известны подробности. Как оказалось, эта кровавая игра затевалась ради одной цели – вербовки бывшего «альфовца» Андропова в особый отдел ФСБ. Они хотели пополнить в свои ряды высококлассного специалиста, биография которого не запятнана связями со службой безопасности. И они заполучили его...

Никогда, даже в мыслях, Маргарита не осуждала Павла за то, что он, честный до щепетильности, пошел на эту грязную сделку. Когда твоя бывшая жена погибает при невыясненных обстоятельствах, а жизнь восьмилетней дочери висит на волоске, тут не до принципов. А вот какого черта она, дипломированный юрист, ввязалась во все это дерьмо? Неужели страх за собственную жизнь перевесил все остальные чувства?

«Ну, я же не знала, что они заставят меня убивать! Я по наивности полагала, что в первую очередь они станут эксплуатировать мой интеллект и мой, пусть небольшой, адвокатский опыт... Но самое главное: они пообещали сделать меня совладелицей детективного агентства. А кто откажется от такого заманчивого предложения?»

Агентство, которое получило название «ВОЛАНД» (по первым буквам их фамилий ВОЛ – Волошина, АНД – Андронов), стараниями Маргариты стало одним из самых популярных в столице. Слава богу, никто из клиентов не подозревал, что обаятельная Маргарита Волошина и мужественный молчун Павел Андронов являются тайными агентами особого отдела ФСБ. Иначе вряд ли услуги «ВОЛАНДа» пользовались бы таким повышенным спросом...

Они стали полноправными партнерами, и за эти шесть месяцев им пришлось пройти все круги ада – заказные убийства, террористические акты, постоянное балансирование на грани жизни и смерти. И все это – вкуче с напряженной работой в «ВОЛАНДе». Сколько раз Маргарита проклинала себя за то, что тогда, год назад, подписала это дурацкое соглашение! Бог свидетель, она не раз пыталась уйти из-под опеки особого отдела. Но каждый раз Саранский, ее теперешний шеф, находил все новые и новые рычаги давления на нее. Последний раз, например, когда она «взбрыкнула», он прозрачно намекнул, что судьба ее родителей, живущих в Саратове, зависит только от нее. Как и судьба многочисленной родни – двоюродных племянников, племянниц, тетя и дядя... Маргарите не оставалось ничего другого, как выполнить очередной приказ...

Мяуканье под дверью переросло в непрерывный вой. Маргарита высунулась из ванной комнаты и, глядя в Дусины зеленые глаза, строго спросила:

– Ты что, девушка, совсем сбрендилась?.. А ну, перестань орать! А то соседи решат, что я с тебя шкурку живьем сдираю!

Поняв, что ее вот-вот накормят, Дуся мгновенно замолчала. Угожливо задергала хвостиком и бочком-бочком стала перемещаться поближе к кухне. Наблюдая за манипуляциями кошки, Маргарита не выдержала и улыбнулась. Как ни крути, а хорошо, что у нее есть Дуся. Характер у животного, конечно, не ангельский, но иногда это «волосатое чудовище» здорово снимает напряжение!

На радостях открыв кошке изрядный кус ветчины, Маргарита вернулась в спальню. Распахнула створки шкафа и задумалась – что надеть в такую жару? Идеальный вариант – короткий сарафан. Но черт его знает, куда им с Павлом придется ехать. Если Саранский заготовил для них очередную боевую операцию, то лучше всего подойдут джинсы.

Переодевшись, Маргарита подошла к сейфу, встроенному в стену. Набрал код, открыла дверцу, достала оттуда маленький, компактный пистолет американской фирмы АМТ, запасную обойму и бросила все в сумочку. Туда же отправились пачка сигарет и зажигалка. Паспорт, удостоверение частного детектива и разные мелочи, типа ключей, перекочевали из сумочки в сейф. Если они с Павлом отправляются на новое задание, при ней не должно быть никаких документов. Вроде бы ничего не забыла... Ан нет, самое главное – подкрасить губы!

С тюбиком губной помады в руке подошла к зеркалу, придирчиво оглядела свое лицо. Длинные черные ресницы, огромные шоколадные глаза, прямой нос, чуть припухшие губы (слишком, пожалуй, правильной формы), длинная, почти как у Нефертити, шея. Пока она молода – всего-навсего двадцать семь, – следов недосыпания почти не заметно. Кожа гладкая, чистая, без единой морщинки. Но если она и дальше будет вести такой напряженный образ жизни, от ее красоты вскоре не останется и следа. И никакая косметика не поможет...

Маргарита быстро провела помадой по губам и взглянула на часы. Вот черт, а Павел-то почти угадал: вместо положенных десяти минут она потратила на сборы больше сорока. Кое-как расчесав волосы, пулей выскочила на лестничную площадку. Лифтом решила пренебречь (пару дней назад сосед просидел в кабинке два с половиной часа), вприпрыжку сбежала по ступенькам, толкнула тяжелую дверь подъезда и зажмурилась: утро, щедро напоенное солнечными лучами и легким ветерком, было просто дивным! Усилив воли подавив в себе лирическое настроение, Маргарита поспешила к вишневой «Тойоте».

Эту машину она приобрела неделю назад и все еще не могла поверить в то, что ее давняя мечта наконец-то сбылась! «Тойота» хоть и стоила кучу бабок, но вполне отвечала ее теперешнему имиджу – владелицы преуспевающего детективного агентства.

Отключив сигнализацию, Маргарита села за руль и вдруг ощутила неприятный холодок в желудке – прямо у нее перед глазами оказалась наклеенная на лобовое стекло записка, написанная печатными корявыми буквами:

«Готовься к смерти, сука!»

Несколько минут сидела неподвижно, уставившись на листок. Затем, нервно дернув дверцу, выскочила из салона и, содрвав записку, изорвала ее на мелкие клочки. И только после этого оглянулась...

– О господи! – только и успела выдохнуть, заметив, как в проеме арки мелькнула тень. Это опять был Он – высокий незнакомец, возникший на ее горизонте две недели назад.

Вполне возможно, что он следил за нею и раньше. Но две недели назад Маргарита его засекла, и с тех пор жизнь ее превратилась в кошмар. Этот высокий молодой мужчина – к сожалению, пока ей так и не удалось разглядеть его лица – стал мерещиться ей повсюду. Вечером, как ей казалось, он отирался возле подъезда. Утром прогуливался на Патриарших прудах, недалеко от ее офиса. Из-за него Маргарита даже перестала обедать в своем любимом кафе. Боялась, что, если встретит его и там, у нее испортится аппетит.

Слава богу, он не шел на прямой контакт и моментально исчезал, едва обнаружив, что она его заметила. Вначале Маргарита решила, что этот «ковбой» – неудовлетворенный клиент или клокочущий мстительно незадачливый любовник из тех, кого ее мальчики вывели на чистую

воду. Но всех своих клиентов она помнила наизусть, а любовник, по идее, не должен был знать, кому он обязан тем, что бесславно «засветился».

Затем ей пришло в голову, что этому хмырю приглянулись ее коленки. А почему бы и нет? Есть же у топ-моделей свои поклонники, одержимые фанаты, готовые торчать ночи напролет под окнами своих избранниц. Но поклонники, как известно, ведут себя совершенно по-другому. Они не прячутся в темных переулках, они стараются попасться на глаза, они, в конце концов, просят автографы. А этот псих ничего не требовал. Ровным счетом ничего, и это ее здорово настораживало. И вот теперь – эта дурацкая записка...

– Спокойно, детка, все под контролем, – вслух успокоила она себя и вновь вернулась в салон. Достав из бардачка целлофановый пакет, сложила в него клочки записки, чтобы разобраться с этим попозже. Пальцы тряслись мелкой дрожью, но Маргарита никак не могла сообразить, от чего – от страха или от злости. В любом случае, прежде чем заводить мотор, надо было немного прийти в себя.

И в этот момент утреннюю тишину двора разорвал громкий гудок. Маргарита вздрогнула и непроизвольно потянулась к сумочке с оружием. Но в следующее мгновение поняла, что темно-зеленый джип, лихо вынырнувший из арки, это – машина Павла. Она в ужасе посмотрела на часы – почти девять.

«Я должна была быть в агентстве полчаса назад!» – Маргарита выскочила из «Тойоты», захлопнула дверцу и бросилась к притормозившему джипу.

Но Павел ни словом не упрекнул ее за задержку, хотя Маргарита приготовила целую речь в свое оправдание – как-никак, несколько лет проработала адвокатом. Молча подождал, пока она усядется поудобнее, затем одним поворотом ключа заставил джип рвануть с места. В укороченной кожаной куртке и потертых джинсах он был похож на типичного фэбээровца, который приготовился внедриться в банду наркодельцов. Но, в отличие от вечно улыбающихся американцев, Павел был хмур и сосредоточен.

Он вел машину излишне аккуратно. Скорость не превышал, правила соблюдал неукоснительно, хотя обычно позволял себе немного похулиганить. Это могло означать только одно – в планы Павла никак не вписывалась милицейская проверка.

Маргарита вдруг почувствовала острую тревогу. Какого черта ее напарник молчит? Да и вид у него чересчур загадочный... Она всегда нервничала, когда не понимала, что происходит.

– Куда мы едем, черт побери?

Сосредоточенно глядя на дорогу, Павел ответил:

– К американскому посольству.

– Зачем? Открывать визы?..

– Чтобы немножко попугать народ. С помощью гранатомета.

Маргарита не выдержала и рассмеялась. Господи, она и не подозревала, что Павел обладает столь редкостным в наше время качеством, как чувство юмора.

– А если без этих дурацких шуточек? – спросила она, отсмеявшись от души. – Куда мы едем? На встречу к Саранскому?

– Конечный пункт – американское посольство, – в голосе Павла послышалось легкое раздражение.

– А меня, между прочим, никто не спросил – хочу я этого или нет!

– Это – приказ. Операция назначена на девять тридцать. Нужно поторопиться, а то не успеем. В такое время легко попасть в пробку...

Павел видел, что Маргарита здорово струсила, хотя делала все, чтобы он этого не заметил. Чего-чего, а силы воли у этой хрупкой девушки не занимать. Любой мужик может позавидовать. Такое заявление услышала – и ничего, держится. Трясется, бедненькая, пальчики ходуном ходят. Даже сигарету из пачки вытащила только с третьей попытки. Бойтся, наверное,

до потери сознания, но скорее умрет, чем покажет это... Определенно, в особом отделе умеют подбирать кадры!

– Наша задача предельно проста – инсценировать у стен посольства некое подобие теракта, – спокойно продолжил он. – Сейчас мы заедем во двор, пересядем в другую машину, оснащенную всем необходимым. Переоденемся. Машину дальше поведешь ты... – Павел замолчал на полуслове – в какой-то момент ему показалось, что Маргарита его не слушает. Смотрит прямо перед собой невидящим взглядом, покусывает губы. Думает о чем-то своем...

Чтобы встряхнуть напарницу, Павел повысил голос:

– Эй! Соберись! – Заметив, что Маргарита никак не реагирует, он тронул ее за рукав: – Ты что, уснула?

– С вами уснешь! – лениво огрызнулась та и вдруг, с неизвестно откуда взявшейся злостью, спросила: – Саранский что, совсем свихнулся? Это же чистой воды провокация! Да нас же заметут в два счета! Знаешь, сколько там милиции?

– Если станешь паниковать, проблем точно прибавится.

– Нет, я решительно не понимаю, какого хрена...

– Хватит болтать! – жестко перебил Павел. – Давай за дело. Возьми под сиденьем ноутбук. Открой файл под своим именем. Там инструкции и карта Москвы. Когда ознакомишься с инструкциями, файл удали.

Как ни странно, начальственный тон подействовал – Маргарита перестала возмущаться и задавать риторические вопросы. Вытащила ноутбук, нашла нужный файл и принялась добросовестно изучать информацию. Минуты через три щелкнула нужной клавишей и, закрыв глаза, откинулась на спинку сиденья.

– Все поняла? – уточнил Павел.

– Да. Кроме одного – кому и зачем нужен этот спектакль?

– Спроси что-нибудь полегче.

Замолчали. Оба упорно делали вид, будто ничего особенного не происходит. Маргарита вытащила из пачки очередную сигарету. Щелкнула зажигалкой и с жадностью затянулась. Обычно она курила с интервалом ровно в час. А тут дымит, как паровоз, не переставая – одну за другой. Пытается отвлечься от гнетущих мыслей? Что ж, ее можно понять.

«Горе ты луковое», – подумал Павел и неожиданно почувствовал, как в нем нарастает желание подбодрить напарницу. Сказать, что он, как обычно, всю грязную работу возьмет на себя, и ей не стоит так волноваться.

Слова утешения были готовы сорваться с его губ, но в последний момент он передумал и жестко приказал себе:

«Прочь сантименты! Прочь сопли, слезы и жалость. Ты должен думать об операции, а не об этой красотке. Она – такой же член команды, как и ты. А некоторые вещи у нее получаются даже лучше, чем у тебя. Например, довести „фигуранта“ до самоубийства... И никто, между прочим, не заставлял ее ввязываться в это дерьмо. Сама, можно сказать, напросилась. Это была честная сделка – услуга за услугу. Саранский помог ей получить агентство, а Марго совершенно добровольно стала работать на особый отдел. Теперь пусть не корчит из себя этакого невинного ангелочка... Другое дело – я. Они зацепили меня на Светланке. Если я откажусь выполнять приказы, они убьют ее, как убили Ирину...»

Павел добился своего: на смену душещипательной жалости пришла здоровая злость. И это было очень даже неплохо. Теперь он твердо знал, что операция пройдет как по маслу и Саранскому не к чему будет придираться.

Во дворе, куда они въехали, было безлюдно. Погода стояла отвратительная, моросил мелкий дождь. Павел припарковал машину в глубине двора, рядом с полуразвалившейся беседкой. Выбрался из салона и огляделся: где-то здесь должен был стоять джип – точная копия личной тачки Андропова. Только, конечно, с другими номерами.

Джип стоял в условленном месте – перед третьим подъездом, между двумя «Жигулями». Павел подошел к нему, отключил сигнализацию, открыл дверцу, сел за руль. Махнул рукой Маргарите – дескать, давай, причаливай. Та поняла с полуслова – грациозно выбралась из первого джипа, походкой манекенщицы лениво подошла ко второму и, вполне профессионально оглядевшись, нырнула в салон.

Ни слова не говоря, Павел взял с заднего сиденья сумку, расстегнул молнию и, ничуть не стесняясь Маргариты, разделся до трусов. Прямо на голое тело натянул бронежилет, поверх него – спортивный костюм.

– А ты что смотришь? Поторопись, время не ждет, – нарочито грубо обратился он к Маргарите.

Та удивительно быстро для женщины переделась в точно такой же костюм, что был на Павле. Только размером поменьше.

– Свои вещи сложи в этот пакет. И пересядь на мое место.

Маргарита немедленно подчинилась.

– Заводи машину, – Павел перебрался на заднее сиденье. – И – прямым ходом к посольству.

Он посмотрел на часы и мысленно констатировал: «Девять двадцать пять». До начала операции оставались считанные минуты.

2

С тех самых пор как на земле «братской» Югославии разорвались первые бомбы, жить в Москве стало значительно веселее. Во-первых, проблемы августовского кризиса и невыплаты кредитов МВФ мгновенно отошли на второй план. Во-вторых, патриотично настроенные партии открыли в своих офисах пункты записи добровольцев. Как ни странно, но добровольцев в Москве оказалось предостаточно. А те, кто не собирался уезжать на фронт, но считал своим долгом высказать личное отношение к «проклятым империалистам», стали каждое утро собираться на митинг протеста у американского посольства.

К сожалению, москвичи не были обучены выражать это самое «фе» цивилизованно. Начинался импровизированный митинг по общепринятым правилам – с плакатами, организаторами, группой поддержки. Но стоять с куском картона в руках и скандировать лозунги на плохом английском было скучно. И тогда в ход шли тухлые яйца и банки из-под пива. Хуже обстояло дело насчет помидоров: после пресловутого кризиса бросаться помидорами мог позволить себе не каждый. Зато некоторые «патриоты» без зазрения совести справляли малую нужду прямо у входа в посольство, на глазах у опешивших американских дипломатов.

На самом высоком уровне понимали, что это безобразие нужно немедленно пресечь. Американцы, конечно, сволочи, но нельзя же опускаться до их уровня! Тем более что сегодня – яйца, а завтра, глядишь, в стены могут полететь и гранаты. А в войну ввязываться ой как не с руки...

Поэтому было решено принять серьезные меры – оцепить «горячий объект» милицией. С некоторых пор каждый сотрудник из близлежащих отделений обязан был отдежурить у стен посольства хотя бы сутки. За это полагался отгул. А отгул, он и в Африке отгул – на дороге не валяется. Поэтому дежурили у посольства с удовольствием.

Понятно, что доблестные милиционеры в ход митинга не вмешивались. Ежели людям больше, чем драть глотки, делать нечего – пусть дерут. Главное, чтобы настоящего безобразия не было. Старший лейтенант Козаченок относился к дежурству так же, как большинство его коллег, – как к приятной и необременительной процедуре. Стоишь себе в сторонке, поплевываешь сквозь зубы и со смехом прикидываешь, кто из митингующих на что горазд. Среди этой орущей братии попадались такие клоуны, что обхохочешься...

В то теплое весеннее утро все было как обычно. Козаченок и два сержанта из сто тридцать шестого отделения милиции медленно прохаживались неподалеку от небольшой группки людей с плакатами. Лениво перебрасывались фразами, время от времени покуривали, но бдительности не теряли.

И вдруг в десятке метров от милиционеров, скрипнув тормозами, остановился темно-зеленый джип. Задняя дверца распахнулась, и на асфальт прыгнул высокий мужчина в маске. В руках у него был гранатомет.

Вначале Козаченок даже не понял, что происходит. Ему подумалось, что мужик с гранатометом – не что иное, как плод его воспаленного воображения. Вчера с друзьями квасили до трех, спать завалился часа в четыре, а утром к семи на работу – вот оно и сказывается. Он даже ушипнул себя за руку, чтобы отогнать наваждение. Но мужик никуда не пропал. Скорее, наоборот – начал интенсивно действовать. Лихо забросил гранатомет на плечо, направил ствол на здание посольства и нажал на спусковой крючок. Козаченок инстинктивно вжал голову в плечи: сейчас как гроыхнет! Даже зажмурился. Но, как ни странно, разрыва не последовало. Козаченок открыл глаза и... подавил вздох облегчения – в гранатомете, по всей видимости, что-то заело. Ага, случай позволяет проучить этого козла! Да проучить так, чтобы жизнь медом не казалась! Выхватив из кобуры пистолет, Козаченок громко прокричал:

– Бросай пушку, гад! На землю, быстро!

«Гад» выполнил приказ только наполовину – пушку бросил, но остался стоять, как стоял, – спиной к открытой дверце машины. А через секунду лейтенант понял, что радовался слишком рано – из окошка джипа высунулся ствол «АК» и над самой его головой прошла автоматная очередь. Понятно, что он тут же распластался на асфальте, едва не выпустив из рук пистолет. Служба службой, но жизнь, она, чертова кукла, дороже.

Тем временем мужик в маске ловко нырнул в салон машины и вытащил второй точно такой же, гранатомет. И вновь прицелился...

Чего-чего, а второго гранатомета старлей не ожидал. На миг снова показалось, что все происходящее на его глазах – дурной сон. Чего только не приснится, когда выжрешь на рыло по две бутылки водяры. Он вновь зажмурился, мысленно приказав себе проснуться, и вдруг осознал, что зря пытается уйти от реальности.

Под истошные вопли митингующих, которые, наконец-то, разобрались, что к чему, и бросились врассыпную, Козаченок приподнялся и осмотрел вверенную ему территорию. Его подчиненные – сержанты – лежали на земле лицом вниз. Даже не пытались строить из себя героев. Еще бы: дежурство у посольства всегда считалось большой халявой, а тут на тебе – псих с целым арсеналом противотанкового оружия!

Старлей понял, что если он что-то немедленно не предпримет, то России от Третьей мировой не отвертеться. Убедив себя, что он – и только он – может спасти мир, осторожно вытащил из-под себя табельный пистолет. Но не успел даже снять оружие с предохранителя, как одна из пуль вонзилась в асфальт в десяти сантиметрах от его головы.

– Вот суки! – смачно выругался он и вдруг вспомнил о рации. Черт побери, да тут сто раз можно было вызвать подмогу! Какой же он кретин, что не сделал этого раньше!

Но дальнейшие события стали разворачиваться в таком ключе, что Козаченок едва не рехнулся от происходящего. Мужчина в маске, даже не попытавшись выстрелить, бросил второй гранатомет на землю. С кошачьей легкостью скользнул в машину, которая в тот же миг рванула с места и, круто развернувшись, скрылась в ближайшем переулке. Козаченок готов был дать голову на отсечение, что за рулем сидела баба или совсем молоденький пацан. Уж очень хрупкими и узкими показались ему плечи водителя...

– Ей-богу, сегодня в дурдоме выходной, – прошептал старлей прежде, чем вызвать по рации подкрепление. Номер темно-зеленого джипа он, конечно, запомнил.

3

Свернув в тот самый двор, где пятнадцать минут назад они готовились к операции, Маргарита заглушила мотор и с вызовом посмотрела на Павла:

– Ну, как я тебя подстраховала?

Ни слова не говоря, Павел снял маску. Вот человек – даже на похвалу не расщедрился! А она, дура, так старалась. Конечно, он рисковал больше. Но ведь и она не сидела сложа руки...

Тем временем Павел освободился от бронежилета, сунул под мышку пакет с одеждой и выбрался из машины.

– Чего копаешься? – бросил в полуоткрытую дверцу. – За мной! Быстро! – и, не дожидаясь ответной реплики, уверенно двинулся к подъезду.

Во дворе было полно детей, но Павел не обращал на них никакого внимания. Он шагал уверенно – красивый, высокий, целеустремленный. Мужик хоть куда, бабы по таким с ума сходят. Но в эти минуты Маргарите было не до сантиментов. Она спешила избавиться от набившего оскомину камуфляжа – бронежилета, маски, перчаток и пистолета, которым так и не пришлось воспользоваться.

И в этот момент тишину двора разрезал вой милицейской сирены. Не успев ничего сообразить, Маргарита выкатилась из салона. Сердце учащенно билось, колени дрожали. Она твердо знала, что оглядываться нельзя. Надо идти вперед, только вперед! Идти к темному проему, в котором минуту назад скрылся Павел. Но какая-то неведомая сила заставила ее замедлить шаг и повернуть голову чуть вправо. Так и есть – во двор на предельной скорости въехал «Опель» с опознавательными знаками московской милиции.

Краем глаза усекла, что дети во дворе оторопело уставились на нее. Только сейчас до нее дошло, что она все еще сжимает в руках оружие. Проклятый пистолет, который следовало оставить в салоне джипа, а она, дура набитая, машинально прихватила с собой. И куда теперь его девать, спрашивается? Демонстративно выбросить в кусты? Или хотя бы сунуть в карман?

Так ничего и не предприняв, Маргарита со всех ног бросилась к подъезду. Сзади послышались визг тормозов и грозный окрик:

– Стоять!

Она была уверена, что сейчас раздастся выстрел и ей в спину, прямо между лопаток, вонзится кусок смертоносного свинца. Взять да разрядить по милицейской машине всю обойму? Только тогда, по ее разумению, она смогла бы спастись.

«Ну и в дерьмовую же историю втравил нас Саранский», – подумалось вдруг.

В такие экстремальные моменты у нее четко срабатывал инстинкт самосохранения. Она была готова убить кого угодно, лишь бы выбраться из западни целой и невредимой. Но спешить было нельзя. Нельзя, потому что оптимальное решение всегда где-то рядом. Стоит только отбросить эмоции и заставить себя сосредоточиться...

Вдох, выдох – и вместо тупого отчаяния в голове сложился вполне конкретный план. Резко крутанувшись на месте, Маргарита вскинула руку с пистолетом и несколько раз нажала на спусковой крючок. Стреляла вверх голов, чтобы не задеть кого-нибудь из ребятишек. Тех как ветром смело, а люди в милицейской форме, успевшие выскочить из машины, поспешили укрыться за ее корпусом.

Воспользовавшись их замешательством, Маргарита заскочила в подъезд. Слава богу, не пришлось возиться с кодовым замком – Павел оставил дверь открытой. Громкий щелчок – и мир в мгновение ока разделился на две половины. Та, что осталась за металлической преградой, была во власти охотников. А она, Маргарита Волошина, владелица детективного агентства «ВОЛАНД», оказалась в роли преследуемой... Кошмар да и только!

Зато прохладный подъезд, где она сейчас находилась, показался ей сказочной страной – тут было тихо, спокойно, безмятежно. Маргарита даже позволила себе немного отдышаться и лишь затем взбежала по ступенькам.

Павел ждал ее возле лифта. Спокойный и невозмутимый – словно стрельба, возникшая во дворе минуту назад, его совершенно не касалась. Лишь скользнул взглядом по ее правой руке, в которой был зажат пистолет.

– Что это?

– Сам не видишь? Полуавтоматический «БЭК-АП ДАО»! – выдохнула Маргарита и первой вскочила в открывшуюся кабину.

И вновь на лице Павла не отразилось никаких эмоций. Нажав на кнопку девятого этажа, он забрал у нее оружие и протянул пакет:

– Переодевайся, – и почти равнодушно спросил: – Что там?

– Как только ты ушел, во двор въехали менты, – докладывала Маргарита, натягивая джинсы. – Пришлось немножко пострелять...

– Они видели, как ты вошла в подъезд? – перебил Павел, проверяя, сколько патронов осталось в обойме.

– Если только не ослепли все одновременно.

– Сколько их?

– Если честно, то не разглядела. Но не больше четырех...

Павел недовольно нахмурился и отвернулся. Уставился в стенку кабины, словно на ней можно было прочесть инструкцию по части немедленного спасения. Маргарита механически посмотрела туда же и ничего, кроме матерщины и слишком откровенных высказываний о сексе, не заметила.

«Держи себя в руках, дурочка! – мысленно произнесла она, пытаясь унять нервную дрожь. – Ты же не одна. И если не паниковать, а поразмыслить спокойно, выход придет сам собой».

Пуговицы на рубашке никак не хотели застегиваться, поэтому из лифта она выскочила, по собственному определению, как особа древнейшей профессии из горящего борделя. Слава богу, на лестничной площадке девятого этажа в это время никого не было. Приводя себя в порядок, Маргарита мысленно похвалила коммунальщиков за то, что сохранили в исправности автоматику запираания двери подъезда. Пока милиционеры найдут того, кто поможет им открыть кодовый замок, пройдет, как минимум, минут пять. Пока поднимутся вверх, заглядывая в каждый закоулок, еще пятнадцать. А эти двадцать минут могут решить очень многое. Если не все...

План рушился на глазах. И все из-за этой самоуверенной девчонки, его непутевой напарницы. Ну какого черта она так долго торчала в машине? Снять бронежилет, шапочку, перчатки – дело пяти секунд. А теперь из-за ее медлительности они попали в настоящую западню... Эх, недаром говорят, что если на корабле баба, то добра не жди!

Согласно плану, утвержденному Саранским, они должны были с крыши попасть на чердак соседнего дома (дома стояли почти вплоты), затем спуститься и выйти через черный ход (ключ у них был) с противоположной стороны общего двора. Выйти, естественно, как цивилизованные люди – без всяких там спортивных костюмов, пистолетов, масок. И, как обычно, изображая влюбленную парочку. Сесть в припаркованную на стоянке «Вольво» и спокойно покинуть опасное место. Даже если какому-нибудь ретивому служаке вздумается проверить их документы, звездочек на погонах у него явно не прибавится.

Но теперь, когда Маргариту засекли, выйти из здания незамеченными им не удастся. Марго – девушка видная, а значит, узнать ее будет довольно легко. И, как назло, у них с собой нет ничего такого, что помогло бы изменить ее внешность.

Павел понимал, что район обязательно оцепят. Даже если он останется здесь и будет держать оборону, Марго далеко не уйти. Да и патронов у него, между прочим, кот наплакал. А кроме этого пистолета, нет никакого оружия. Так что «ситуаэйшен», в которой они оказались, можно охарактеризовать одним словом – «приплыли».

Кажется, это просек не он один – на лице напарницы наконец-то появились проблески озабоченности.

– Что будем делать? – тихо спросила она, как только вышли из лифта.

Понятно, что Павлу хотелось высказать этой пигалице все, что он о ней думает, но тратить время на пустые разборки было не в его характере. Тем более что их преследователи вот-вот могли заявить о себе.

– Уходи, как договаривались, – он протянул ей ключ от черного хода, – через чердак. Я попробую их задержать.

– Ты что? Совсем свихнулся? Ни мне, ни тебе далеко не уйти.

– Попытка– не пытка.

– Нет! Уйти должен ты, потому что тебя никто не видел. А я, пока все не утихнет, останусь здесь! – вдруг твердо заявила Маргарита, и Павел уставился на нее с удивлением – какую еще авантюру задумала эта девчонка?

Он надеялся прочесть в ее глазах ответ на свой вопрос, но ему так и не удалось встретиться с ней взглядом – Марго упорно смотрела куда-то в сторону, за его спину. Павел обернулся и не увидел ничего, кроме кабины лифта – обычного атрибута всех лестничных площадок...

Глава 3

1

Охрана офиса рекламной компании «Нью-Старс» была на уровне: при входе – арка металлоискателя, после прохождения которой капитану Бондаренко пришлось сдать свой пистолет из рук в руки вежливому парнишке с дежурной улыбкой на тонких губах. После этой обязательной, но необременительной процедуры второй из охранников (такой же вежливый и улыбочивый) минуты три внимательно изучал удостоверение капитана. Затем, вызвав по рации юную длинноногую красотку, препоручил сыщика ей, шепнув на ухо пару ценных указаний. Красотка отвела Бондаренко на второй этаж и передала его секретарше Вениамина Гольцева – пышногрудой блондинке в коротком облегающем платьице. Секретарша ласковым голосом предложила чай или кофе, а когда Бондаренко отказался, попросила подождать три минуты.

Как ни странно, глава «Нью-Старс» Гольцев не стал «мариновать» капитана в приемной. Ровно через три минуты дверь в его кабинет распахнулась, и секретарша мило пропела:

– Проходите, вас ждут.

Господин Гольцев, холеный, тучный мужчина лет тридцати пяти, если и не особенно обрадовался визиту оперативника с Петровки, то ничем не выдал своего недовольства. Жестом предложил капитану устраиваться поудобнее и, избегая смотреть прямо в глаза, спросил:

– Итак, у вас ко мне срочное дело?

– Срочное, – подтвердил Бондаренко и, достав из папки несколько фотографий, разложил их на столе. – На этих снимках – ювелирные украшения, изготовленные на заказ в мастерской Романовича. Вы не могли бы указать, какие из украшений куплены вами?

Несколько минут Гольцев внимательно рассматривал фотографии. Затем отложил в сторону одну из них.

– Это кольцо моей жены, – уверенно заявил он. – Я заказывал его три года назад. Накануне нашей свадьбы... – и вдруг нахмурился, вскинув на капитана бесцветные, выпуклые глаза. Настороженно уточнил: – Простите, но откуда оно у вас? Вы что, расследуете очередную кражу?

Бондаренко едва заметно поморщился. Вот такие минуты он ненавидел больше всего на свете – сообщать трагические новости ближайшим родственникам потерпевших. Слава богу, что этот Гольцев по складу характера, кажется, не холерик. И, в отличие от подавляющего большинства «новых русских», в нем чувствуется некоторая мягкотелость. Этаким книжный мальчик, воспитанный, видимо, на уважении к органам правопорядка. Значит, есть шанс, что весть о смерти жены он воспримет без выброса оскорблений в адрес отечественной милиции.

Однако, прежде чем огорошить Гольцева, Бондаренко решил подстраховаться. Бесцеремонно взяв со стола фотографию, на западный манер помещенную в металлическую рамочку под стекло, коротко уточнил:

– Жена?

– Да, это Катюша.

Со снимка на капитана смотрела высокая темноглазая красотка. Ее светло-русые волосы развевались на ветру, губы призывно улыбались. На правой скуле чернела знакомая родинка. Без преувеличения, Екатерина Гольцева была чертовски хороша собой, сексуальна и – в противоположность своему аморфному мужу, – по-видимому, обладала бурным темпераментом.

«Темперамент ее и погубил», – подумалось Бондаренко. Он возвратил фотографию на место и, повинувшись старой ментовской привычке – искать подозреваемых даже там, где, по логике, их быть не должно, – спросил:

– Где сейчас находится ваша жена?

– Катюша?.. – Гольцев сделал глотательное движение, отчего его кадык заходил ходунном. – Я не знаю...

Столь неопределенный ответ Бондаренко не понравился. Как не понравилась и паника в голосе бизнесмена, появившаяся, как ему показалось, на ровном месте.

– Как прикажете вас понимать? – Он удивленно вскинул брови и с напором продолжил: – Вы что, в разводе? Не живете вместе?

– Нет, мы не в разводе... – Гольцев смущенно кашлянул. – Понимаете, наши взаимоотношения базируются на основе взаимного доверия... Вы вот удивлены, что я не знаю, где Катюша. Но все дело в том, что я был в командировке в Ганновере. Планировал приехать четырнадцатого, а получилось, что раньше шестнадцатого никак не смог. В это время, по-видимому, Катюша куда-то уехала. Она и раньше так поступала, так что я не особенно волновался. Знаете, постороннему человеку трудно понять, но... В конце концов, я не обязан перед вами отчитываться! Да и Катя, думаю, тоже. Если у нее украли кольцо и она не заявила о пропаже, значит, на то были некие причины!

«Причины, конечно, были. И очень даже уважительные – дырка в голове», – мысленно согласился Бондаренко и спросил:

– Как давно она вам звонила?

– Она вообще не звонила. Я пытался дозвониться на ее сотовый, но, увы...

Слушая маловразумительный лепет Гольцева, Бондаренко никак не мог понять, чего этот хренов бизнесмен, возглавляющий одну из самых крутых рекламных компаний, так боится? Неужто мучают угрызения совести, что не обратился в милицию, когда его благоверная умчалась из дома в неизвестном направлении? Странно, однако, что эти угрызения не проснулись в нем раньше. Недельку жenuшка шлялась неизвестно где, не отвечала на телефонные звонки, сама не звонила, а Гольцев сидел себе дома и ждал у моря погоды. Нанял бы частных сыщиков, что ли? Денег у него, судя по всему, куры не клюют.

«Ладно, хрен с ним. Поедем в морг, там на месте и разберемся», – подумал капитан и, сменив напористый тон на вполне официальный, сказал:

– Господин Гольцев, вам нужно проехать со мной на опознание.

– На какое опознание?.. Еще какие-нибудь украшения?

– В морг. На опознание трупa.

– Вы хотите сказать, что моя жена?.. – губы Гольцева едва заметно задрожали.

– Боюсь, что да. Примите мои соболезнования.

Гольцев схватил со стола стакан с водой, залпом осушил его и обессиленно рухнул в кресло. Его высокий лоб покрылся крупными каплями пота. Страх, который он так тщательно пытался загнать в глубь себя, так и рвался наружу. Он простонал:

– Господи!.. За что? За что мне такое наказание?! Что я сделал не так?

«Он даже не спросил, как она умерла», – подумал Бондаренко, но не стал заострять на этом внимания. Человек в шоке, вполне возможно, что все еще никак не может свыкнуться с трагической новостью. Но у Бондаренко не было времени приводить Гольцева в чувство.

– Попрошу вас поторопиться! – сухо напомнил он.

Бизнесмен суетливо вскочил. Схватил пиджак, висевший на спинке кресла, оделся, застегнулся на все пуговицы, поправил сбившийся галстук. Словно собирался не в морг, а на переговоры с деловыми партнерами. Отработанным движением сунул в карман сотовый телефон – и вдруг вновь опустился в кресло.

– Вы не возражаете, если я позвоню?

– Адвокату? – злая шутка сорвалась с языка Бондаренко ненароком, но Гольцев, поглощенный своими проблемами, не уловил в вопросе сыщика никакого подтекста.

– Нет. Не адвокату. Катиному дяде. Он – ее единственный родственник.

– Вы хотите, чтобы он поехал с нами?

– Нет, я хочу, чтобы на опознание он поехал вместо меня.

Какое-то время Бондаренко не сводил с собеседника цепкого, испытующего взгляда: «Неужели я ошибся и этот рыхлый нувориш имеет отношение к смерти своей жены?.. Да нет, не может быть! У него не хватило бы пороху разрубить благоверную на мелкие кусочки. Хотя выстрел в висок – это вполне реально. Чего только не натворишь в порыве ревности!»

Чтобы подтвердить или опровергнуть только что пришедшую на ум версию, следовало кардинально сменить тактику. И он, нахально усевшись на край стола, почти весело спросил:

– И не жаль бедного дядюшку? У него же может случиться сердечный приступ.

– У Петра Кузьмича?! Да вы что! Он нас с вами переживет. У него нервы – железные... – Глядя на капитана снизу вверх, Гольцев попытался отодвинуться назад, но то ли колесики кресла запутались в ворсе ковра, то ли силенок оказалось маловато, и все его попытки оказались тщетны – он, как ни старался, не мог сдвинуться ни на сантиметр.

– А у вас, значит, не железные? – капитан, не сделав ни единого угрожающего жеста, прямо-таки навис над Гольцевым. Глядя ему прямо в глаза, вызывающе уточнил, переходя на «ты»: – Разрешение на оружие имеешь?

– Оружие?.. К-к-какое оружие? – от волнения Гольцев стал заикаться. Потянулся было к телефону, явно намереваясь вызвать охрану, но Бондаренко опередил его – резким движением оттолкнул телефон на край стола. Тут же, решив ковать железо, пока горячо, достал из своей папочки несколько цветных снимков, сделанных в морге, и сунул под нос трясущемуся от страха нуворишу:

– Твоя работа?

Несколько секунд тот тупо тарачился на фотографии, явно не соображая, что на них запечатлено. Затем дернулся, как припадочный, уронил голову на стол и, дрожа всем телом, громко застонал.

– Отвечай, это твоя работа? – продолжал наступать Бондаренко, уверенный, что если Гольцев имеет какое-либо отношение к убийству, то сейчас – самый благоприятный момент, чтобы раскрутить его на признание. – Отвечай! Да?.. Или нет?

– Что здесь происходит? – властный, но совершенно спокойный голос, донесшийся со стороны двери, застал капитана врасплох. Он резко обернулся, собираясь послать нежелательного свидетеля куда подальше, но нецензурная брань застряла у него в глотке.

На пороге кабинета стоял сам генерал Кудрявцев. Капитан его сразу узнал и отчего-то испугался, хотя Кудрявцев выглядел отнюдь не угрожающе. Скорее, озабоченно.

– Что здесь происходит? – повторил генерал свой вопрос и уставился на капитана. – Вы кто?

– Капитан Бондаренко. Отдел убийств.

Капитану показалось, что Кудрявцев чуток побледнел. Впрочем, вполне вероятно, что это был элементарный обман зрения – освещение в кабинете было слишком ярким.

Кудрявцев подошел к столу, безо всяких объяснений взял из рук Бондаренко фотографии и принялся внимательно их разглядывать. На всхлипывающего Гольцева не обратил ни малейшего внимания.

– Когда ее обнаружили? – тихо спросил он.

– Вчера утром, – машинально ответил Бондаренко и вдруг все понял: Кудрявцева, если ему не изменяет память, звали Петром Кузьмичом.

Так вот какому дяде собирался звонить Гольцев! Выходит, Екатерина Гольцева, чей расчлененный труп обнаружили в мусорном контейнере, – племянница самого Кудрявцева, возглавляющего в ФСБ департамент по борьбе с терроризмом!

– Вы возглавляете оперативно-розыскную группу? – Холодные, пронзительные глаза генерала смотрели на Бондаренко в упор.

– Я.

– Он вам нужен, чтобы произвести опознание? – генерал брезгливо поморщился, окидывая взглядом Гольцева, все еще не отрывавшего голову от стола.

– Да.

– Оставьте его в покое. В морг поеду я. Катя Гольцева – моя племянница.

Чуть помедлив, Бондаренко кивнул. Он злился на себя за то, что в присутствии генерала растерял все свое красноречие и утратил былую уверенность. Но ничего не мог с собой поделать – слова никак не хотели складываться в предложения, а все доводы, минуту назад выглядевшие вполне убедительными, теперь казались ему детским лепетом.

– Ну, так мы идем? – нетерпеливо спросил генерал и, не дожидаясь ответа, направился к двери.

Бондаренко нехотя поплелся за ним. Еще утром он горел желанием действовать, готов был работать круглыми сутками, чтобы найти этого Джека-Потрошителя. Но сейчас вся его энергия куда-то улетучилась, уступив место тупой, безысходной тоске. Неужели все дело в том, что потерпевшая – племянница самого Кудрявцева? Генерала, которого боялись даже его собственные подчиненные, не говоря уже о террористах. За глаза Кудрявцева называли Железным Феликсом, но, по мнению многих эфэсбэшников, даже Феликс Эдмундович не был столь яростным фанатиком своего дела. Ни для кого не являлось секретом, что во время переговоров с террористами генерал никогда не шел на уступки. Он был сторонником жесткой силовой линии и открыто критиковал Совет безопасности за «популистские» решения.

Генерала не очень-то жаловало руководство ФСБ, но на данном этапе заменить его было нечем. Он, слишком категоричный и прямолинейный, по крайней мере, был предсказуем да и делал свое дело вполне профессионально. Так что упорные слухи о том, что скоро Кудрявцева отправят в отставку, пока оставались только слухами...

2

Он никак не мог поверить в то, что Катя мертва. Как и во многое другое, что происходило, как ему теперь казалось, в прошлой жизни. Господи, разве он не потакал всем ее прихотям? Разве не баловал дорогими подарками? Разве не делал все, чтобы она была счастлива...

Миновав длинные коридоры морга, где было прохладно даже в такой жаркий день, Кудрявцев толкнул тяжелую дверь, быстро спустился по ступенькам и, оказавшись на улице, медленно побрел к своей тачке – новенькой светло-бежевой «Мазде». Сел за руль и хотел было завести машину – но вдруг понял, что не в состоянии шевельнуть рукой. На него накатила такая приступ отчаяния, что захотелось плакать. Боль, копившаяся в душе с той минуты, как он узнал об исчезновении племянницы, вдруг выплеснулась наружу. Кудрявцев упал лбом на баранку руля и тихо застонал. Ему хотелось разрыдаться, хотелось разнести к чертовой матери все, что попадется под руку. Уж лучше бы он сам умер вместо Кати, лучше бы вытерпел все те унижения, которые ей пришлось пережить в последние минуты своей жизни...

– Почему это должно было случиться именно с ней? – тихо спрашивал он себя и не находил ответа.

Да и какой более-менее вразумительный ответ мог прийти в данной ситуации? Кара божья? Или злополучное стечение обстоятельств? А может, наоборот – закономерный итог той жизни, которую в последнее время вела Катя?

«Что толку психовать? Надо действовать, – мысленно приказал он себе. – Надо искать того, кто убил Катю. Искать самому, потому что от этого белобрысого капитана... как там его?... толку мало... Убийцу надо найти. Найти и призвать к ответу. Но где искать? И как? Подключить свою службу к этому расследованию? Но Катя – не агент иностранной разведки, не политик, а самая обыкновенная домохозяйка... Да меня на смех поднимут, если я заведу

об этом речь. Скажут – старый козел совсем сбрендил... То – никаких компромиссов, а когда дело коснулось его самого, распустил слюни, как двухлетний пацан...»

В этот момент Кудрявцев вдруг остро осознал свое одиночество. Дожил до шестидесяти – а вышло, что никому, по сути дела, не нужен. Даже друга, с которым мог бы напиться до поросычьего визга и выложить ему все, что наболело, у него нет. Приятелей-собутыльников хватает, а вот настоящего друга – увы... Не говоря уже о жене и детях. Он так много и напряженно пахал, отработывал свои долбаные звездочки, что у него не нашлось времени даже на то, чтобы завести семью. Была вот Катька, но и та умерла – закончила свою жизнь на помойке, как последняя потаскушка. Венька, ее муж, не в счет. Кудрявцев никогда не считал его близким человеком. Выходит, на старости лет он остался совершенно один. Даже поплакаться некому. Не у кого попросить совета и помощи. Не у кого...

В этот момент зазвонил его сотовый. Кудрявцеву не хотелось ни с кем разговаривать, но не ответить на звонок он не имел права. Как-никак, его пока еще никто не освобождал от работы, а что это звонок служебный, генерал почуял нутром.

– Слушаю!

В трубке возник баритон подполковника Зиновьева, работающего в его департаменте:

– Петр Кузьмич? Нашелся, слава богу! Я вас везде ищу.

Тон Зиновьева не предвещал ничего хорошего, и Кудрявцев напрямую спросил:

– Что стряслось?

– Час назад двое террористов пытались обстрелять американское посольство!

Новость повергла Кудрявцева в состояние, близкое к шоку. Хотя обычно новости такого сорта он воспринимал с завидным хладнокровием. Но сегодня был особый день. Недаром говорят, что беда не приходит одна. Вначале – зверское убийство Кати, теперь – вот это...

– Объявлена операция «Перехват». Есть сведения, что террористов видели в одном из близлежащих дворов, – продолжал Зиновьев. – Их двое – мужчина и женщина. Район оцепили, наши уже там...

– Спасибо, что позвонил, – поблагодарил Кудрявцев, представляя, как в этот момент вытягивается лицо у Зиновьева – обычно генерал не тратил времени на такие условности, как «спасибо» или «пожалуйста». – Я немедленно выезжаю...

Глава 4

1

Слава богу, она никогда не страдала клаустрофобией, иначе давно бы свихнулась от давящей на нервы темноты. Впрочем, если разобраться, закрытым отовсюду пространством здесь и не пахло: под ногами зияла черная шахта лифта, и стоило только захотеть – вот тебе, пожалуйста, выход во внешний мир. Пролететь, правда, придется не менее двух десятков метров, но зато после приземления ей будет все до фонаря. Ее не будет волновать вопрос, как вырваться из-под опеки особого отдела. Ей больше не придется видеть отвратительную рожу Саранского, а мысли о безопасности родителей отпадут сами собой...

«Идиотка! – мысленно оборвала себя Маргарита. – Таким примитивным способом, как самоубийство, свой протест высказывают только отчаявшиеся шизофреники. А ты пока что в здравом уме и твердой памяти. Впрочем, нормальный человек не стал бы так рисковать только ради того, чтобы услышать поощрение от начальства...»

Идея отсидеться на крыше лифта, пока обезумевшие менты будут обыскивать дом сверху донизу, уже не казалась ей такой уж гениальной. Вдобавок ко всем прочим неудобствам – кромешной темноты, скрежета работающих механизмов, дерганья кабины лифта вверх-вниз – здесь стояла ужасная вонь. За пять минут Маргарита насквозь пропиталась запахом машинного масла. Но пахнуть, как люмпен-пролетариат, все же лучше, чем при попытке к бегству получить пулю в спину. От грязи потом можно и отмыться, а вот воскреснуть после выстрела «на поражение» – гораздо сложнее. Так что, если рассудить здраво, ее положение – далеко не из худших. Главное, сидеть тихо, как мышь. Сидеть и ждать, пока не объявится Павел. С хорошими новостями, разумеется...

Тут она услышала мужские голоса и звук тяжелых шагов. Вздохнула с облегчением – ну наконец-то! Все-таки слабовата хватка у наших ментов! Пока до девятого этажа дотопали, в подъезде можно было целый взвод спрятать.

Шаги оборвались где-то совсем рядом, и Маргарита затаила дыхание. Прислушалась. Судя по характерным трелям звонка, парни пытались выманить из квартир жильцов дома. Но кто в такое время сидит в четырех стенах? Только пенсионеры да безработные. Похоже, ни тех ни других на девятом этаже не оказалось – звука открываемой двери Маргарита не услышала. Зато смогла разобрать тихие голоса преследователей.

– Ну, и где ее искать, эту курву? – злым шепотом вопрошал один из них. – Даже если она и прячется в какой-нибудь хате, хрена с два мы ее выманим.

– А через чердак она, часом, не ушла?

– Не ушла. Омоновцы оцепили территорию. Проверяют документы у всех молодых и подозрительных баб.

– Ладно. Пошли для очистки совести пошуруем на чердаке. И лифт заодно посмотрим.

«Идите, голуби, идите, – мысленно благословила их Маргарита. – Только вряд ли вы там, кроме голубиного помета, что-нибудь найдете!»

Она оказалась права на все сто – не прошло и десяти минут, как проверка была окончена. Милиционеры, перебрасываясь короткими фразами, спустились на лифте вниз. Увы, никакой полезной информации из их разговора Маргарита не почерпнула. Говорили в основном о бабах, о водке и о каком-то капитане Дорофееве, злющем, как тысяча чертей.

Казалось, можно было вздохнуть с облегчением и чуток расслабиться, но Маргарита вновь ощутила знакомый холодок в желудке. Это состояние было ей чертовски знакомо: оно возникало всякий раз, когда на горизонте появлялся высокий незнакомец.

«Откуда ему здесь взяться? – мысленно утешала она себя. – Откуда?.. Пока ехали к посольству, я не ощущала его присутствия. Страх и волнение – да... Но совершенно по другому поводу – я боялась, что у нас с Павлом ничего не получится. Вполне возможно, что страх притупил мою бдительность и я просто забыла про этого психа!.. Но с другой стороны, если бы он продолжал следить за мною, Павел наверняка бы это заметил. Значит, всему виной – мое разыгравшееся воображение... Господи! Где этот чертов Андронов? Скорее бы он пришел! Иначе я точно сойду с ума!»

2

Проверки документов Павел Андронов не боялся – его паспорт и водительские права были в полном порядке. Разве что какой-нибудь ретивый спецназовец прицепится к нему из-за внешнего сходства с подозреваемым. Впрочем, высоких и стройных мужчин в Москве – сотни тысяч. А лица, цвета волос и глаз особо опасного преступника, собиравшегося взорвать американское посольство, никто, похоже, толком не разглядел.

После того как он помог Маргарите обосноваться на крыше лифта – ну, чертова девка, только она могла такое придумать, следовало позаботиться и о своей безопасности. Павел решил не «выдумывать велосипед», а действовать согласно первоначальному плану – через чердак выбраться на крышу соседнего дома, затем спуститься вниз, воспользовавшись черным ходом, выйти на противоположную сторону и сесть в машину, заранее припаркованную на стоянке.

Этот нехитрый маршрут он преодолел безо всяких трудностей и даже успел переодеться в подобающую случаю одежду – светло-серые брюки, клетчатую рубашку с короткими рукавами и легкую ветровку. Спортивный костюм вместе с Маргаритиным пистолетом сунул в пакет, который выбросил при первой возможности. Но как только он ступил на территорию автомобильной парковки, уверенный, что все самое страшное уже позади, к нему подошли двое. Парни с идеально неброскими физиономиями. Таким только в разведке работать.

– Ваши документы, пожалуйста, – вежливо попросил один из подошедших и показал «корочку» с хорошо знакомой аббревиатурой.

– Пожалуйста, – в тон ему ответил Павел и медленно, очень медленно сунул руку во внутренний карман куртки. Он видел, как напряглись лица парней, и мысленно усмехнулся.

«Да нет у меня никакого оружия, кретины», – вертелось на языке, но Павел, конечно же, промолчал. Играть с огнем у него не было никакого желания. Кто знает, как воспримут эфэсбэшники эту невинную шутку? Упекут, чего доброго, за решетку на трое суток за оскорбление «при исполнении». Вон как они настроены. Натянуты, как гитарные струны. Стоит только дотронуться, как раздастся такой звон, что хоть уши затыкай!

Небрежно вытащив паспорт и водительские права, Павел протянул их проверяющим. Один из парней принялся внимательно изучать его документы, а второй отступил на шаг и стал аккуратненько заходить ему за спину.

«Рожа у меня, что ли, такая подозрительная?.. – подумал Павел, затылком ощущая пронзительный взгляд эфэсбэшника. – Или ребятишки на всякий случай подстраховываются?..»

Но «липа», выданная ему Саранским, оказалась сделанной на совесть – спустя пару минут проверка была окончена. Ему вернули документы, вежливо извинились и с вождением накинулись на очередную «жертву» – высокого сорокалетнего мужичка, которого угораздило пойти перекусить в близлежащее кафе.

«Интересно, сколько они будут здесь торчать? – прикинул Павел, направляясь к уже вычисленной им машине. – Марго, наверное, там совсем приуныла... Ну, посидеть в темноте часок-другой ей еще придется. А затем я приеду и заберу ее отсюда...»

– Андронов! – послышалось откуда-то из-за спины, и Павел машинально обернулся. И тут же понял, что сделал это зря – документы, которые он только что показывал эфэсбэшникам, были выписаны на другое имя.

Однако отступать было поздно – к нему на всех парах несся мужик, внешне очень похожий на Игорька Зиновьева, бывшего сокурсника по военному училищу. Только, в отличие от прежнего Игорька, этот был килограммов на двадцать потяжелее да и вообще выглядел гораздо представительнее – костюм, галстук, выглаженная рубашка.

– Зиновьев, ты, что ли? – на всякий случай уточнил Павел, боясь попасть впросак.

– Я! А что, так изменился?

– Ну, как тебе сказать... – Павел бросил осторожный взгляд в сторону проверяющих. Те вроде бы не обращали на него никакого внимания – потрошили очередного «кандидата в подозреваемые». Убедившись, что промах остался незамеченным, он продолжил увереннее и веселее: – Вообще-то, Игорек, изменился. Но в лучшую сторону. Стал похож на настоящего руководящего работника.

На лице Зиновьева появилась самодовольная улыбка.

– А я и есть руководящий работник... Уже третий год в департаменте по борьбе с терроризмом штаны просиживаю.

– Значит, это твои мальчики только что интересовались моими документами? – подыграл Павел.

Зиновьев кивнул и, чуть поразмыслив, спросил:

– Ты на колесах?

– На колесах. А что, надо куда-то подбросить?

– Да нет. Хочу побазарить с тобой, пока генерал не приехал. А лучшего места, чем твоя тачка, не найти.

Естественно, в планы Павла это не входило, но отказать Игорьку он не посмел.

Через пару минут старые друзья уже сидели в салоне «Вольво», и Зиновьев, беспрестанно поглядывая в окошко, делился с Павлом свежими новостями:

– Вообще-то, Пашка, я здесь по долгу службы. Слышал, наверное, про попытку обстрела американского посольства? Не слышал?.. Ну, ты отсталый человек! По-моему, уже все каналы успели передать... По НТВ точно показывали. Они раскопали какого-то чудика с видеокамерой, который успел все это заснять, и купили у него пленку.

Павел похолодел – неужели «засветился»? И тут же попытался себя успокоить – идентифицировать личность преступника, опираясь на видеосюжет, невозможно. Надо найти конкретного подозреваемого. А найти его среди многомиллионного населения страны по таким приметам невозможно.

– Черт, Пашка, как я рад тебя видеть! – тем временем продолжал заливаться соловьем Зиновьев. – А ты вот совсем не меняешься. Каким был, таким и остался – такой же бравый вояка. Живота нет, плечи по-прежнему – косая сажень... Сколько лет мы не виделись? Лет десять?

– Что-то около того.

– Ты сейчас где? Все там же?

– Нет, я уже полтора года как комиссовался.

– Да ты что?.. А как Ирина? По-прежнему цветет и пахнет? – Ириной звали бывшую жену Андропова.

– Ирина погибла... в прошлом году.

Зиновьев посуровел.

– Извини, брат, не знал... Так где ты сейчас?

Чуть помедлив, Павел ответил:

– Работаю в детективном агентстве.

– Ты что?! В каком?

– В «ВОЛАНДе».

– Как ни странно, но слышал. У вас еще генеральный директор... баба такая красивая... бывшая адвокатесса... Черт, забыл фамилию!

– Волошина.

– Во-во, Волошина, – Зиновьев закатил глаза и сразу стал похож на толстого, довольного жизнью котяру. – Такая классная телка, пальчики оближешь! Познакомишь?

Павел пожал плечами. Он искренне не понимал, почему все мужчины восторгаются Марго. Да, красива, да, умна, да, талантлива. Но разве этого достаточно? А что своенравна, себе на уме, корыстолюбива?..

В этот момент лицо Зиновьева неуловимо изменилось. Он крепко сжал локоть Павла и виноватым голосом произнес:

– Извини, брат, мне пора. Генерал мой приехал... Надеюсь, еще свидимся и поговорим.

– Обязательно. Если что-нибудь надо – звони, – Павел протянул ему свою визитку.

Они сердечно распрощались, и Зиновьев выбрался из машины. Павел проводил его задумчивым взглядом и не спеша закурил. Как ни странно, но встреча с Игорьком (казалась бы, нежелательная!) пробудила в его душе приятные ностальгические воспоминания...

Они познакомились тринадцать лет назад – оказались в одном взводе в военном училище. Внешне неповоротливый Зиновьев, которого все называли «тюфяком», показался Андронову нестандартной личностью. В Игорьке было что-то такое, что отличало его от остальных сокурсников Павла. Внутренний стержень, устойчивая жизненная позиция, что ли? Он знал, чего хочет, и упорно шел к своей цели. На первом курсе ему никак не удавалось сдать стрельбу – из пяти выстрелов разве что один попадал в яблочко, остальные же вразброс располагались по краям мишени. Но через месяц упорных тренировок Зиновьев стал лучшим стрелком в училище. Самое главное, что он не заболел «звездной болезнью», чем сразу заслужил всеобщее уважение.

Они подружились и, к немалому удивлению Павла, Игорек Зиновьев оказался не только свойским хлопцем, но и прекрасным собеседником. Он разбирался в живописи, много читал, умел слушать. А также давал дельные советы. Именно с его подачи Павел познакомился с Ириной. Правда, их брак оказался не самым счастливым и впоследствии распался, но зато на свет появилась Светланка... Так что, как ни крути, в его жизни Игорек Зиновьев сыграл не последнюю роль.

К сожалению, десять лет назад судьба разбросала их в разные стороны: Павел попал в спецподразделение «Альфа», а Игорька Зиновьева, по слухам, забрали в один из экспертных отделов КГБ. И вот теперь, как оказалось, он работает в департаменте по борьбе с терроризмом. А Павел (естественно, не по своей воле) устраивает эти самые террористические акты и заказные убийства, которые потом «висят» на отделе Зиновьева. Ну как после этого не утверждать, что жизнь складывается из одних совпадений?..

Докурив, Павел завел мотор. Тронул машину с места, выехал на главную магистраль, намереваясь свалить из этого района как можно скорее. На душе было беспокойно. Он волновался за Маргариту, злился на Саранского – да и на самого себя тоже. Как-никак, именно на нем лежала ответственность за операцию. А он ее бездарно провалил. Провалил, потому что не понял, не до конца прочувствовал, в чем суть этой, на его взгляд, бессмысленной затеи. Ну, надо было Саранскому убрать какого-то там человека, а зачем устраивать весь этот сыр-бор у посольства? Не проще было бы организовать несчастный случай?..

«Все, хватит ломать голову над чужими проблемами! – мысленно одернул себя Павел. – Тебе приказали – ты сделал. Пусть не на пятерку с плюсом, но сделал. Теперь самое главное – чтобы Марго не провалилась в шахту лифта».

3

– По показаниям очевидцев, террористов было двое – мужчина и женщина. Профессионалы. Оба умеют обращаться с оружием. Мужчина – высокий, под метр восемьдесят. На вид – лет тридцать пять – сорок. Женщина – метр шестьдесят пять – семьдесят. Темноволосая, стройная, лет двадцати – двадцати пяти. Красивая...

– Красивая? – Кудрявцев болезненно поморщился, словно у него стрельнуло в виске. – Кто это у нас такой глазастый? Насколько мне известно, ее видели с расстояния в пятьдесят метров.

Игорь Зиновьев растерянно приуменьшил. В самом деле, почему он вставил в свой отчет эту подробность? Какая разница, была ли та девчонка красива или не очень? В конце концов, они с Кудрявцевым – не в жюри конкурса красоты...

Смахнув со лба капли пота, Зиновьев сухо изложил все, что ему было известно по попытке теракта у американского посольства. Только голые факты, никаких комментариев и домыслов – во столько-то подъехали террористы, такой-то номер у джипа, гранатомет такой-то маркировки... Вкратце упомянул и о том, как милиционеры 78-го отделения в ходе преследования террористов попали под огонь. От каких-либо выводов на этот раз воздержался, опасаясь, что Кудрявцев вновь отпустит в его адрес какую-нибудь шпильку.

Однако генерал молчал. Смотрел в никуда отчужденным взглядом, словно ему было наплевать, что творится вокруг...

«Сегодня старик не похож на себя, – подумал Зиновьев. – Какой-то заторможенный и на удивление корректный».

– Сколько времени прошло с тех пор, как эта женщина скрылась в подъезде? – вдруг спросил Кудрявцев.

– Почти два часа.

– Можешь забыть о ней. Она давно уже зализывает раны в километре от этого района... А что с ее напарником? Удалось составить словесный портрет?

– К сожалению, нет. Его лица никто не видел. Правда, у нас имеется видеозапись, сделанная любителем. Но до обработки на компьютере делать какие-нибудь выводы рано.

– Отпечатки пальцев?

– Никаких.

– Оружие?

– Новенькое. Только с завода.

– Машина?

– Числится в угоне с прошлого года.

– Что ж, нас можно поздравить с очередным «глухарем», – съязвил Кудрявцев и вдруг спросил: – А что это за мужик, с которым ты так мило беседовал? Знакомый?

Зиновьев едва не поперхнулся – он не ожидал, что Кудрявцев спросит его об Андронове. Да-а-а, оказывается, генерала еще рано списывать со счетов. Возможно, по возрасту ему давно пора на пенсию, но все, черт, видит!

– Павел Андронов. Мой сокурсник по военному училищу, – нехотя ответил Зиновьев и, словно оправдываясь, добавил: – Мы не виделись десять лет.

– И где он работает?

– Раньше служил в «Альфе». Комиссовался. Теперь – в детективном агентстве «ВОЛАНД».

Ему показалось, что во взгляде Кудрявцева появился живой интерес. Предыдущую информацию – о попытке теракта – он воспринимал гораздо равнодушнее.

– «ВОЛАНД»? А с чего это вдруг? «Альфа» вроде бы теплое местечко... А почему в охрану не подался? Или работа частного детектива – его давнее пристрастие? Мечта детства?.. Этот Андронов – хороший сыщик?

– Я не знаю, – растерялся Зиновьев, все еще не понимая, куда клонит генерал. – Я же не виделся с ним много лет! В училище Андронов подавал большие надежды... Все прочили ему карьеру военного. Ума не приложу, почему он решил переменить профессию.

– А что ты слышал о «ВОЛАНДе»?

Зиновьев заставил себя сосредоточиться, хотя вопросы старика поставили его в тупик.

– Отзывы неплохие. Агентство возглавляет некая Маргарита Волошина, бывшая адвокатесса... – Он хотел было добавить несколько слов по поводу ее внешности, но вовремя прикусил язык.

А Кудрявцев вдруг остыл к начатому разговору. На лице у него вновь появилось холодное отчуждение. Окинув безразличным взглядом сотрудников, которые все еще занимались проверкой документов, сухо приказал:

– Отзывай людей. Хватит терять время. Надо работать с тем, что есть.

4

Холодок в желудке не проходил, чувство тревоги усиливалось, и Маргарита, чтобы успокоиться, приказала себе думать о чем-нибудь приятном. Но через минуту поняла, что это невозможно: сидя на крыше кабины, подавлять свой страх романтическими воспоминаниями может только законченный циник...

«Какого черта я торчу здесь столько времени? Лифт как раз на девятом, по-моему, пора выбираться», – вдруг решила она и схватилась за стальные тросы, висевшие над ее головой. В этот момент она не думала, что поступает опрометчиво. Главное – поскорее глотнуть свежего воздуха, побыстрее выбраться из этой вонючей тюрьмы!

И вдруг кабина поползла вниз. У Маргариты все внутри оборвалось. Обеими руками ухватившись за какой-то выступ, она заболтала ногами, пытаясь найти точку опоры.

«И что теперь?.. – промелькнуло в голове. – Повисла, как сушеная вобла на солнышке, а как только руки устанут, полечу вниз, как подстреленный буреветник».

Отчаяние придало ей силы. Когда лифт наконец-то остановился, Маргарита ухватилась за трос и с ловкостью кошки стала карабкаться вверх. Вымазалась, конечно же, как черт, ладони ободрала до крови, но зато успела вовремя – стоило ей обрести под ногами твердую почву, как кабина вновь пришла в движение.

От нервного напряжения Маргарите захотелось рассмеяться. А ведь, черт побери, еще минуту назад она дала бы голову на отсечение, что живет на этом свете последние мгновения. Пошатываясь, она выбралась из лифтовой, вышла на лестницу и спустилась на один пролет. Сев на пол, с наслаждением вытянула ноги и, упершись затылком в стену, закрыла глаза.

В этот момент ей нестерпимо захотелось послать все и всех к черту. И Саранского, и Павла, и свою беспокойную жизнь. Она понимала, что напряженная и опасная работа не может не сказываться на ее психике.

«Может, бросить это дурацкое агентство, продать квартиру, уехать из Москвы в далекую провинцию?.. Купить там дом и заняться, к примеру, разведением кур и кроликов?..» – с тоской подумала она и тут же мысленно расхохоталась. Перспектива стать провинциальной фермершей ее отнюдь не прельщала. Стоило столько лет учиться, пахать, как лошадь, сначала в прокуратуре, затем на вольных адвокатских хлебах, жертвовать всем, чтобы в конце концов влезть по уши в куриное дерьмо?.. Хотя, если посмотреть на ситуацию с другой стороны, то некоторые преимущества у нее должны-таки появиться. По крайней мере, одно: если уход тщательно продумать, она раз и навсегда избавится от своих «покровителей» из ФСБ. Что-что, а играть

в кровавые игры, как выяснилось, не ее призвание. Ладно – Павел. Он, что ни говори, профессиональный военный. Для него убить человека – раз плюнуть. А вот ей до чертиков надоели слежки за «нужными» людьми, обстрелы посольств. Надоело каждый день просыпаться в страхе – а вдруг ты вчера засветилась и приказ о твоём устранении уже подписан?.. Но если она «сделает ноги», что будет с ее родителями? С особым отделом так лучше не шутить. Чтобы заставить ее вернуться, они для начала организуют автокатастрофу для кого-нибудь из дальней родни. Если не поможет, возьмутся за отца с матерью.

Впрочем, нытье и пессимизм никогда не были преобладающими чертами ее характера. В конце концов, жить надо сегодняшним днем. Пока что, слава богу, родители живы, здоровы и пребывают в относительной безопасности...

В этот момент наверху хлопнула чердачная дверь.

Маргарита вскочила, на ходу вытаскивая пистолет. Осторожно поднялась на технический этаж, готовая в любой момент спустить курок. Но там никого не было, а чердачная дверь оказалась плотно закрыта.

«Там кто-то есть! Я это чувствую!» – едва не завопила она от отчаяния и тут же постаралась взять себя в руки. Посмотрела на часы – ровно двенадцать. Павел, если все в порядке, должен прийти через час... Господи, еще шестьдесят минут томительного ожидания!

Негромкие, крадущиеся шаги внизу заставили Маргариту вздрогнуть. Она еще крепче сжала пистолет и, стараясь производить как можно меньше шума, стала спускаться вниз. Звук шагов стал отчетливее: человек приближался. Маргарита едва не сошла с ума от томительного ожидания. Пот катился градом, сердце стучало в ритме какой-то аргентинской пляски...

Она была уверена, что это он – высокий незнакомец, неотступно следовавший за нею вот уже две недели. Что ж, наконец-то у нее появилась возможность поймать его с поличным и решить все проблемы одним нажатием спускового крючка...

– Стоять! Руки за голову!

Высокий мужчина обернулся, и Маргарита с ужасом поняла, что едва не выстрелила в Павла Андропова. Он был загримирован и одет весьма экстравагантно, поэтому она его не сразу узнала.

Видимо, на ее лице разом отразились все нахлынувшие чувства, потому что обычно бесстрастный Павел обеспокоенно спросил:

– Что с тобой?

– Со мной все в порядке. Просто не ожидала увидеть тебя так рано... И в таком виде...

Павел, не сводя с нее внимательного взгляда, протянул полиэтиленовый пакет:

– Я принес тебе переодеться. Внизу пока тихо, но все же поторопись.

Маргарита молча достала из пакета одежду, огненно-рыжий парик, косметичку и, не стесняясь Андропова, стала стаскивать с себя пропахшие машинным маслом шмотки. Она никак не могла поверить, что все закончилось.

– Ты уверен, что за нами нет «хвоста»? – спросила на всякий случай.

– Уверен.

– А когда поднимался, никого подозрительного не встретил?

– Встретил. Двух оболтусов с велосипедами... Давай в темпе, ладно?

«Вот так люди и сходят с ума...» – вздохнула Маргарита. – Может, пока не поздно, обратиться к хорошему психиатру? Говорят, на ранней стадии нервные болезни излечиваются безо всяких последствий...»

Но внутренний голос нашептывал: «Кажется, детка, ты и вправду свихнулась. Если ты пойдешь в психушку и расскажешь там про свои глюки, об этом сразу станет известно шефу. Тебя спишут со счетов, и тогда ты потеряешь все – двухкомнатную квартиру в центре, машину, и, самое главное, к агентству тебя и на километр не подпустят. Так что ограничься седуksenчиком, детка!»

... Уже через час она стояла под душем в собственной ванной. Слезы смешивались с горячей водой. От усталости ломило спину, сводило ноги. Руки тряслись, как у законченного алкоголика. Она на чем свет кляла себя за то, что шесть месяцев назад согласилась на эту авантюру – стать агентом особого отдела. Но кто знал, что в дерьме ей придется валяться чаще, чем она могла предположить. И кто бы мог подумать, что напряженная работа скажется на ее психике?

«Я медленно, но верно схожу с ума... Мне уже повсюду мерещатся враги», – думала Маргарита, яростно растираясь махровым полотенцем. И вдруг вспомнила об утренней записке, приложенной к лобовому стеклу ее машины. В порыве гнева она ее разорвала, но затем одумалась и спрятала клочки в багажничке. Вот на чем она проверится!

Набросив халат, Маргарита выскочила из ванной, схватила со столика связку ключей и выбежала из квартиры. Перепрыгивая через ступеньки, спустилась вниз и, теряя шлепанцы, помчалась к «Тойоте». Отключила сигнализацию, дрожащими пальцами сунула ключ в замочную скважину, рванула дверцу на себя и, юркнув в салон, открыла багажничек. О ужас: кроме пачки сигарет и карты Москвы, там ничего не было...

Глава 5

1

Вениамин Гольцев нервно откинулся на спинку дивана, закрыл глаза и указательными пальцами принялся энергично массировать виски. Опять эта адская головная боль, от которой выть хочется! Таблетка, выпитая полчаса назад, не ослабила ее ни на йоту. Кажется, визит к невропатологу откладывать дальше нельзя. Чтобы избавиться от этой боли, ему нужны более сильные средства. То лекарство, которое он принимает уже почти три месяца, больше не помогает.

– Ей-богу, я сойду с ума, сойду с ума, – простонал Вениамин, почти уверенный, что в ответ, как обычно, услышит насмешливую реплику Кати: «Спортом надо заниматься, кисуля, и все как рукой снимет», и тут же внутренне содрогнулся, вспомнив, что Кати давно нет в живых.

При мысли об этом ему сделалось еще хуже. А ведь совсем недавно он готов был отдать половину своей ежегодной прибыли, чтобы раз и навсегда избавиться от беспутной жены-шантажистки. Теперь же ему смертельно не хватало Кати. Ее пренебрежительно-ласкового «кисуля», ее ночных звонков из какого-нибудь второсортного бара, ее дурацкой привычки устраивать бедлам вокруг себя. Да, теперь в квартире царил идеальный порядок – горничная, слава богу, попалась добросовестная, но от этого Вениамину было еще более тоскливо и одиноко.

«Надо взять себя в руки и успокоиться, – твердил он мысленно. – Скоро кошмар закончится, я найду эту чертову запись, и все встанет на свои места... Сейчас главное – вести себя как можно естественнее. Чтобы никто не мог меня ни в чем упрекнуть».

Боль стала невыносимой. Теперь Вениамину казалось, что его череп растрескался на сотни – нет, тысячи – маленьких кусочков и вот-вот посыплется, как ветровое стекло автомобиля от удара случайного камня. Но почему ЭТО должно было приключиться именно с ним? Почему?

В какой-то момент он вдруг понял, что избавиться от боли можно только одним способом – убив себя. Для этого и нужно-то всего ничего – встать и пройти к сейфу, встроенному в стену гостиной. Открыть его, протянуть руку и взять пистолет – новенький, смазанный маслом «макаров». И все!

Скрипнув зубами, Вениамин поднялся с дивана и на ватных ногах двинулся к сейфу. Не задумываясь, набрал код, распахнул дверцу и осторожно вытащил пистолет. Несколько секунд тупо смотрел на него, затем шелкнул предохранителем и осторожно приставил дуло к виску...

Трель сотового телефона, лежащего на журнальном столике, заставила его вздрогнуть и опустить руку. Странно, еще вчера вечером он вроде бы выключал этот чертов аппарат... Тем не менее тот звонит. Звонит, не переставая...

По телу прокатилась волна жара, Вениамин крепко зажмурился и резко открыл глаза. Мысль о том, что пару минут назад он, повинувшись мгновенному импульсу, мог запросто убить себя, теперь казалась чудовищной. Да только полный кретин мог придумать такое! Если он не выстрелил в себя, когда была жива Катя, то делать это теперь просто глупо.

Сотовый по-прежнему надрывался; Вениамин, как змею, отбросив пистолет на диван, схватился за телефон. И тут же услышал в трубке взволнованный голос Лики:

- Что случилось? Почему не отвечал?
- Принимал душ, – соврал Вениамин.
- Со вчерашнего вечера?
- Не понял...

– Я набираю твой номер каждые полчаса, начиная со вчерашнего вечера, – нетерпеливо пояснила Ли́ка. – Почему ты не был в офисе? Я так испугалась, что готова была плюнуть на все и приехать... – казалось, что Ли́ка, всегда спокойная и уравновешенная, вот-вот заплачет.

За три года «семейного счастья» на женские слезы и истерики у Вениамина выработалась устойчивая аллергия. Как только Катя начинала хлюпать носом, мягко и ненавязчиво качая свои права, он выходил из себя – начинал орать, злиться, нести откровенные пошлости. Когда вспышка гнева проходила, ему становилось стыдно. Но Катю после этих сцен он ненавидел еще сильнее.

Правда, его покойная жена всегда казалась ему примитивнейшим созданием. А вот от Ли́ки, умной и дальновидной Ли́ки, умеющей контролировать себя, такого он не ожидал.

– Не надо приезжать, слышишь! – почти что прокричал в трубку. – Ты что, совсем спятила?

– Хватит орать! – в голосе Ли́ки вновь прорезались привычные интонации – твердые и жесткие. – Я же не приехала. А звоню только для того, чтобы сказать – вчера к нам приходил этот белобрысый капитан. Целый день что-то вынюхивал, выспрашивал, интересовался, почему тебя нет на месте. Короче, учинил всем нам форменный допрос!

От дурного предчувствия у Вениамина засосало под ложечкой. Ли́ка, конечно, далеко не дура, да и все детали обговорены давным-давно, но чем черт не шутит?

– Что конкретно его интересовало? – как можно мягче спросил он.

– Все! В основном, конечно, ваши отношения с Катькой. Я была уверена, что ему все известно, но молчала, как рыба. Пришлось даже кокетничать с этим чудовищем... Господи, Венья, я так больше не выдержу! Мне кажется, он думает, что это – мы...

«Ну вот, опять сопли и слезы!» – Вениамину показалось, что его прошиб электрический заряд. Голова разболелась еще сильнее, на лбу выступила испарина. С трудом разлепив сухие губы, как можно убедительнее сказал:

– Не надо волноваться, детка. У него работа такая – всех подозревать. А мы с тобой ведь не сделали ничего плохого. Разве не так?

В трубке воцарилась гнетущая тишина. Даже дыхания Ли́ки не было слышно. Вениамин знал, что в этот момент она напряженно размышляет и, вероятно, через минуту-другую выдаст очередную импровизацию. Он даже подумал было прервать разговор, потому что был по горло сыт ее идеями, но не успел – в трубке вновь послышался голос Ли́ки:

– Мент от меня не отстанет, я это чувствую. И я не знаю, смогу ли дальше молчать. Я не Марат Казей.

– А ты не молчи, – Вениамин с трудом подавил раздражение – он терпеть не мог этого избитого сравнения. – Скажи ему все, что считаешь нужным.

– Но тогда они возьмутся за тебя.

– Ну и что? Мне нечего скрывать. К убийству Кати я не имею никакого отношения. Все, дорогая. Пока. Увидимся на работе.

Вениамин не врал. Он на самом деле не боялся встречи с белобрысым капитаном. Пусть задает свои вопросы, пусть пытается поймать его на лжи. Все равно у него ничего не получится...

2

Прослушав запись данного телефонного разговора, генерал Кудрявцев скрипнул зубами. Вот ведь стервец! Зятек долбаный! И он, старый дурак, тоже хорош – пригред на собственной груди гремучую змею! И куда, спрашивается, смотрел?!

На смену холодной ярости пришла вполне трезвая мысль: вполне вероятно, что в смерти Кати Венька сыграл не последнюю роль. Не сам, конечно, ее кокнул. У него на такое дело

кишка тонка. А вот заказать киллера – нет проблем. Это он мог. И теперь, мать его, корчит из себя безутешного вдовца. Морда жидовская!

Кудрявцеву вдруг нестерпимо захотелось закурить, хотя он бросил это дурное занятие лет сорок назад. Но сейчас на него нахлынуло: отдал бы полжизни за одну-единственную затяжку! Почему-то казалось, что если бы во время прослушивания магнитофонной записи у него в руках была сигарета, то предательство зятя воспринялось бы гораздо легче.

Закрыв глаза, он попытался воссоздать в памяти обстоятельства, в силу которых решился поставить Венькин телефон на прослушку. После похорон, разбирая Катины старые вещи – письма, детские фотографии, – он наткнулся на новенькую папку из темно-синей кожи. Кудрявцев готов был поклясться, что раньше в его доме этой папки не было. Безо всяких задних мыслей заглянул в нее и обмер – там лежали несколько десятков снимков, договор, заключенный с детективным агентством «ВОЛАНД» на наружное наблюдение за Гольцевым, и отчет агентства о проделанной работе. На фотографиях, естественно, красовался Венька с какой-то рыжей кралей, а в отчете подробно описывались их встречи. Значит, перед самой смертью Катя нанимала детективов шпионить за собственным мужем!

Понятно, что поспешных выводов генерал делать не стал. Просто однажды вечером заглянул к зятю на чаек и, пока Венька разыгрывал из себя гостеприимного хозяина, «поработал» над его мобильным. Он не надеялся на такие скорые результаты, но, получив их, тут же решил действовать.

Идею обратиться в детективное агентство «ВОЛАНД» Кудрявцев вынашивал уже давно. Но прежде, чем решиться на такой отчаянный шаг, по своим каналам все разузнал о «ВОЛАНДе» и о его владельцах. Отзывы были самые обнадеживающие – работают чисто, профессионально, куда не надо не лезут. Правда, берут за работу многовато. Смущало название, но вскоре генерал догадался, что название никак не связано с булгаковским героем, а дано по первым буквам фамилий владельцев – ВОЛошина и АНДронов. Это могло означать, что в «ВОЛАНДе» работают люди с нестандартным мышлением...

Еще раз внимательно прослушав запись, Кудрявцев решительно взял сотовый и набрал номер агентства. Через два гудка на противоположном конце провода сняли трубку.

– Алло? – промурлыкал вкрадчивый женский голосок. – Детективное агентство «ВОЛАНД».

– Я могу поговорить с Павлом Андроновым? – вежливо попросил генерал – он предпочитал вести дела с сильной половиной человечества.

– По какому вопросу, простите?

– Хочу заключить с вами договор.

– Андропова сейчас нет. Но вам повезло – Маргарита Сергеевна на месте. – Не успел Кудрявцев заявить, что Маргарита Сергеевна ему не нужна, как из трубки донеслось: – Я вас переключаю на ее номер.

Послышался характерный щелчок, и генерал услышал чуть хриловатое:

– Здравствуйте. Я вас внимательно слушаю.

Конечно, можно было просто повесить трубку. Собственно, Кудрявцев так и собирался поступить, но в последнюю секунду вдруг передумал. В конце концов, какая разница, с кем он договорится о встрече? Может быть, Маргарита Волошина, как женщина, скорее поймет его проблемы?

– Моя фамилия Кудрявцев. Я из ФСБ, возглавляю департамент по борьбе с терроризмом, – уверенно начал он и вдруг запнулся – разве это так важно, где он работает? Но во время любых переговоров он привык представляться именно так, и дурацкая привычка сработала.

На другом конце провода повисла напряженная пауза.

– Вы меня слушаете? – переспросил Кудрявцев.

– Да, конечно. – Ему показалось, что голос Волошиной стал жестче.

– Мне понадобятся услуги частного детектива. Когда я могу подъехать, чтобы обговорить детали?

– Если вас не затруднит, то в течение ближайшего часа.

– Прекрасно, – генерал вздохнул с облегчением. – Буду через сорок минут.

3

Пока генерал Кудрявцев решал свои личные проблемы, его подчиненный – подполковник Зиновьев – занимался проблемами служебными. А на первом месте в департаменте по борьбе с терроризмом стояло дело о попытке теракта у американского посольства – папка под номером тысяча шестьсот шестьдесят восемь. Зацепок, которые позволяли бы выйти на след террористов, оказалось маловато. Впрочем, как всегда, когда за дело брались профессионалы. Парочка гранатометов с неисправными пружинными толкателями, автомат Калашникова, новенький джип и видеозапись оператора-любителя, случайно оказавшегося на месте преступления. Ни отпечатков пальцев, ни четкого описания подозреваемых, ни свидетелей, которые могли бы связно изложить последовательность событий...

Сидя перед экраном монитора, Зиновьев раз за разом прокручивал видеозапись, всматриваясь в фигуры террористов. Современная аппаратура позволяла брать максимально крупные планы, но за черными масками было невозможно разглядеть лица.

«И все же, несмотря ни на что, эта пленка – несомненная удача, – думал он. – На месте преступления редко оказываются операторы. А тут снято, как на заказ. Ракурс, правда, не самый лучший, да и изображение „ходит“, но зато малейшие движения террориста, его жесты видны отчетливо... Стоп! – вдруг приказал себе Зиновьев. – Этот характерный жест – небрежным поворотом головы откидывать со лба волосы, – он, кажется, мне знакомым...»

Он открутил запись назад и, наверное, в двадцатый раз принялся просматривать все с самого начала. Добрых два часа до боли в глазах вглядывался в экран монитора. За это время он выпил пять чашек крепкого кофе и выкурил с десяток сигарет. И в результате пришел к одному-единственному, но очень важному, на его взгляд, выводу: мужчина, участвовавший в террористическом акте, и его старый приятель Пашка Андронов – чертовски похожи.

Вывод был, конечно, из области невероятных. Киношный вывод. Или книжный. Но уж никак не сопоставимый с реальной жизнью. Пашка Андронов, этот чертов идеалист, просто не мог быть матерым террористом. И не потому, что ничего не умел. Умел он как раз очень многое. Но он не мог участвовать в теракте по идейным соображениям.

«Пашка всегда был слишком правильным... – с досадой подумал Зиновьев. – Сколько его помню, он не признавал никаких полутонов. Черное для него всегда было черным, белое – белым... Впрочем, я не видел его добрых десять лет, – тут же засомневался он. – Может быть, за это время Пашка здорово изменился?... В конце концов, он в одиночку растит дочь, которую надо кормить. Вполне возможно, что его попросту наняли...»

После непродолжительного размышления он наотрез отказался и от этой версии – в детективном агентстве Андронов наверняка зарабатывал неплохо.

– Если в каждом террористе я пытаюсь разглядеть кого-нибудь знакомого, мне пора брать отпуск! – вслух подумал Зиновьев и тут же понял, что обманывает самого себя. Да, он не хотел, чтобы Пашка Андронов, который десять лет назад был для него чуть ли не идеалом, имел какое-то отношение к этой истории. Он не хотел, но имеющиеся факты говорили сами за себя. Во-первых, террорист в маске поправлял волосы точно так же, как это делал Пашка. Во-вторых, в тот злополучный день он встретил его в непростительной близости от места, где террористы бросили свой джип!

Нет, Зиновьев искренне ничего не понимал. Даже если допустить такую мысль, что Пашка собирался обстрелять посольство, то зачем ему так рисковать? Зачем ставить на кон

свою репутацию, зачем ломать устоявшуюся жизнь? И что за женщина была вместе с ним? Все, кто видел ее, в один голос уверяли, что она – очень красива. А ведь единственная красивая женщина, с которой Пашка общается каждый божий день, – генеральный директор «ВОЛАНДа» Маргарита Волошина.

«Надо запросить досье на Волошину и показать ее фотографию свидетелям, – после недолгих раздумий решил Зиновьев. – Если красотку опознают, я встречу с Пашкой и спрошу в лоб, кто, по его мнению, устроил заварушку у посольства. Начнет вилять – выложу доказательства причастности его агентства к попытке теракта. А что делать дальше, решим на месте...»

Глава 6

1

Генерал-майор Петр Кузьмич Кудрявцев внешне ничуть не напоминал кэгебиста старой формации. Высокий, подтянутый, излучающий силу и власть, он, скорее, походил на бывшего партийного работника, который плюнул на прошлое и подался в большой бизнес. В отличие от многих своих коллег, которые начинали карьеру во время хрущевской оттепели, а заканчивали под знаменами нынешних демократов, Кудрявцеву удалось не спиться. Может быть, именно поэтому для своих шестидесяти с хвостиком выглядел он на пятерочку с огромным плюсом. Многие молодые могли позавидовать его ладной спортивной фигуре, здоровому цвету лица и уверенному взгляду серо-голубых глаз. Этот человек знал, что ему надо от жизни. И, что весьма немаловажно, не просто знал, но и умел это взять.

– Здравствуйте, – сухо поздоровался он и, не дожидаясь приглашения, опустился в кресло.

Маргарита ослепительно улыбнулась:

– Чай? Кофе?.. Сигарету?

– Я не курю, – Кудрявцев с неодобрением уставился на пепельницу, полную окурков. – И вам, между прочим, не советую. У вас и так лицо землистого цвета.

Столь откровенное хамство могло испортить настроение кому угодно, только не Маргарите. По сравнению с некоторыми клиентами, которые за время существования агентства побывали в ее кабинете, Петр Кузьмич Кудрявцев вел себя вполне прилично.

Бывало, придет к ней какой-нибудь «хозяин жизни», развалится на диване и во время делового разговора только и делает, что пялится на ее ноги. А потом, как бы между прочим, начинает рекламировать свои мужские достоинства. От такого отделаться не так-то и просто. Откажешь прямым текстом – можешь потерять клиента. Стерпишь – потеряешь уважение к самой себе. Так что Петр Кузьмич Кудрявцев с его здоровым образом жизни выглядел еще куда ни шло.

Чтобы как-то сгладить ситуацию, Маргарита убрала пепельницу с глаз и поставила перед Кудрявцевым стакан с минеральной водой. Для таких вот молодящихся генералов минералка – оптимальный вариант. Это не кофе, который обременителен для сердца, и не крепкий чай, от которого портятся зубы. Было бы молоко, Маргарита предложила бы Кудрявцеву именно его. Но молока, увы, не было. Значит, ему придется довольствоваться тем, что есть. Зато – настоящий «Нарзан» и прямо из холодильника.

Однако Петр Кузьмич Кудрявцев к предложенному Маргаритой напитку не притронулся. А занялся он тем, что начал пристально разглядывать хозяйку кабинета. Маргарита дала бы голову на отсечение, что знает, о чем он думает в этот момент. Все клиенты старше пятидесяти, впервые увидев ее, мыслили по стандартной схеме: «И какого черта я пришел в эту сомнительную контору? Неужели эта юная красотка разбирается в чем-нибудь, кроме тряпок и мужиков?..»

Но Маргарита недаром заслужила репутацию хорошего психолога – к каждому из «старичков-разбойничков» у нее имелся свой подход. Вот и сейчас, мгновенно сориентировавшись в ситуации, она не опустила глаза, не стала называть фамилии известных людей, которые в свое время обращались в «ВОЛАНД», а принялась рассматривать Кудрявцева с тем же недоверием, какое без труда прочла на его лице. Вначале Кудрявцев досадливо насупил брови, затем поморщился и, наконец, не выдержав игры в «гляделки», первым отвел взгляд. А спустя еще пару минут заговорил:

– Если бы не обстоятельства личного характера, ноги моей здесь бы не было. К частным сы-щикам я отношусь с недоверием. Причисляю их к той же категории, что гадалок, экстрасенсов и разных бабок-шептук. Считаю, что все они – шарлатаны. Ни хрена не помогают, а бабок гребут немерено.

«Хорошенькое начало», – мысленно содрогнулась Маргарита и тут же протянула Кудрявцеву прайс-лист.

– Если вас интересуют наши расценки, то в среднем мы берем двести долларов в час. Плюс текущие расходы. Если вам это не подходит, попытайтесь найти что-нибудь подешевле.

– Я заплачу вдвое больше, если буду доволен результатами вашей работы.

– Что ж, давайте приступим к делу. Изложите, пожалуйста, суть проблемы. По ходу вашего рассказа я буду задавать вам уточняющие вопросы... Кстати, конфиденциальность нашего разговора я гарантирую. Как и то, что мои подчиненные никогда не узнают имени клиента. То есть – вашего.

Кудрявцев немного замаялся, видимо, не зная, с чего начать.

«Черта с два я стану тянуть тебя за язык, – злорадно усмехнулась Маргарита. – После всего того, что ты тут наговорил, указать бы тебе на дверь! Жаль, что этого сделать нельзя – с такими, как ты, генерал, надо дружить...»

Вопреки ожиданиям, Кудрявцев достаточно быстро справился с собой. После минутной заминки, которая выражалась в глубокомысленном покашливании и менее глубокомысленном ерзанье на стуле, ему, наконец, удалось сосредоточиться. Не сводя с Маргариты серо-голубых глаз, он сухо начал:

– Моя племянница исчезла из дому две недели назад. Муж, который на момент события был в загранкомандировке, не особенно взволновался. Я, конечно, настаивал на том, чтобы обратиться в милицию, но оказался в меньшинстве. Через десять дней после исчезновения Катю нашли... Мертвой... Смерть наступила в результате огнестрельного ранения в голову. Ее труп, – губы генерала дрогнули, – расчленили, упаковали останки в спортивные сумки, которые бросили в контейнеры с мусором. Если бы не случайность, возможно, Катя до сих пор считалась бы без вести пропавшей...

Маргарита сразу вспомнила об этом жутком происшествии. Вся Москва тогда на ушах стояла. Газеты пестрели заголовками типа «Расчлененный труп в мусорном контейнере» или «Новый Джек Потрошитель», а родители, начитавшись этих самых газет, запрещали своим взрослым дочерям гулять после одиннадцати.

– Уголовный розыск, – тем временем продолжал Кудрявцев, – как мне кажется, работает спустя рукава. Сам я лишен возможности контролировать следствие... Разные ведомства, сами понимаете.

– Вы хотите, чтобы мы нашли убийцу? – осторожно уточнила Маргарита.

– И чем скорее, тем лучше. За две недели, надеюсь, справитесь?

«А внешне он производит впечатление вполне трезвомыслящего человека, – тяжело вздохнула Маргарита. – Да за такой короткий срок убийц находят только в американских сериалах про суперагентов!»

– Даже если мы возьмемся за это дело, – уклончиво начала она, – хочу вас сразу предупредить: скорых результатов не ждите. Во-первых, со дня пропажи вашей племянницы прошло слишком много времени. Во-вторых, искать сексуального маньяка – неблагоприятное занятие. У нас, конечно, есть кое-какие контакты с Петровкой, но работать параллельно с ними очень тяжело...

– Сексуальный маньяк здесь ни при чем, – бесцеремонно перебил Кудрявцев.

– Вы уверены?

– На все сто. Убийство Екатерины – заказное. А все эти штучки-дрючки с расчленением устроены только для того, чтобы запутать следствие...

– Заказное? Вы хотите сказать, что кто-то пытается нажать на вас? Вам угрожали?

– Нет, – генерал поморщился, – никто мне не угрожал и не пытался давить на меня. Тем не менее я могу назвать имя предполагаемого заказчика...

Маргарита, которая в этот момент как раз отхлебнула глоток минералки, едва не поперхнулась от неожиданности. Черт побери, он говорит таким уверенным тоном, словно и впрямь знает, кто заказал убийство. Тогда какого хрена, спрашивается, он тут делает? Взял бы за жабры этого московского Чикатило и по стенке размазал.

«Да ничего он не знает! – тут же мысленно возразила себе. – Просто понтуется. Потому что человек такого масштаба, как генерал Кудрявцев, ни за что не пришел бы в детективное агентство, если бы знал что-нибудь наверняка. Он просто убил бы мерзавца, и все. А убийство инсценировал бы под несчастный случай...» Нет, Маргарита не высказала своих сомнений вслух. Первое и самое главное правило в работе с клиентом – никогда ни в чем ему не перечить, делать вид, что веришь ему безоговорочно. Тогда уж точно обещанный гонорар будет уплачен. Даже если результаты работы окажутся на столь блестящими, как хотелось бы...

Поэтому, обезоруживающе улыбнувшись, она пропела заинтересованно:

– Что ж, мне будет любопытно выслушать ваше мнение. Только аргументируйте его, пожалуйста. Я доверяю только фактам.

Ей показалось, что Кудрявцев глянул на нее с интересом. Затем, секунду поразмыслив, раскрыл папочку, которую до этого держал на коленях, и вынул из нее несколько снимков. Затем из дипломата на стол перекочевали две аудиокассеты.

– Вот это, – он положил на стол фото светловолосой девушки с родинкой, – моя племянница Катя.

Лицо девушки показалась Маргарите знакомым. Да, месяца два назад к ним обращалась очень похожая клиентка! Вела себя, как дешевая шлюха, но заплатила прилично, да и просьба у нее была пустяковая – установить, изменяет ли ей супруг. И все же Маргарита не была до конца уверена, та ли это девушка или просто один и тот же типаж.

– А это, – генерал ткнул пальцем в снимок препротивнейшего субъекта с мясистыми губами, – мой зять Вениамин Гольцев. Он возглавляет компанию «Нью-Старс». В рекламном бизнесе не последний человек.

«Черт побери, ее звали Катя Гольцева! – вдруг вспомнила Маргарита. – Надо поднять досье и узнать, кто из наших занимался ее делом!»

Ни слова не говоря, Кудрявцев протянул ей еще один снимок, последний. На нем фотограф запечатлел Гольцева вместе с длинноногой рыжеволосой красоткой. Парочка мило попивала кофе на Монмартре, и по блаженному выражению их физиономий даже дураку становилось ясно, что эти двое – не деловые партнеры.

Снимок был сделан из машины и явно не «мыльницей», а вполне профессиональным аппаратом. Похоже, это была одна из фотографий, какие прилагаются к отчету о проделанной работе.

– Почему вы мне сразу не сказали, что ваша племянница обращалась к нам? – напрямую спросила Маргарита.

Прежде, чем ответить, Кудрявцев долго разглядывал фотографию, затем тяжело вздохнул:

– Не придавал этому значения. Я сам узнал о слежке совершенно случайно. А когда узнал, то сразу понял, кому была выгодна смерть Кати... Не думаю, чтобы этот подонок пошел на убийство сам. Но он вполне мог заплатить профессиональному киллеру.

– Подонок – это ваш зять? – осторожно уточнила Маргарита.

– Ну не Пушкин же!

– Но зачем ему нанимать киллера, чтобы избавиться от жены? Можно было бы просто развестись!

– Катя никогда бы не согласилась на развод. Только в том случае, если бы Гольцев оставил ей приличную сумму. Но он жаден. Предпочел заплатить киллеру. – Пододвинув к Маргарите аудиокассету, Кудрявцев мрачно пояснил: – Тут записи телефонных разговоров этого подонка. Так, ничего особенного, кроме одного, последнего... Прислушайте его.

Конечно, Маргарита прослушала. Нет, даже после этого доводы генерала не показались ей достаточно убедительными. Но она не стала спорить с заказчиком. В конце концов, проверить Гольцева им не составит никакого труда. Если он имеет отношение к смерти своей жены, то рано или поздно себя выдаст.

– По-моему, тут все ясно, – безапелляционным тоном заявил Кудрявцев.

«Кому ясно, а кому и нет, – усмехнулась Маргарита. – Если Гольцев не дурак (а судя по тому, как он лихо косит бабки, слабоумием тут и не пахнет), он не станет ввязываться в мокрое дело. Зачем давать лишний повод для шантажа?.. А подозрительность у генерала – воистину бериевская. Его послушать, так кругом – одни враги. Так и до шизофрении недалеко...»

По-видимому, эта мысль каким-то невероятным образом отразилась на ее лице, потому что поведение Кудрявцева вдруг резко изменилось. Мгновение назад – сама откровенность, он вдруг замкнулся и подчеркнуто сухо сказал:

– Вполне возможно, что я погорячился с обвинениями. Ваше дело – либо подтвердить мои догадки, либо опровергнуть. Давайте для начала возьмем Гольцева под наблюдение. В качестве аванса сумма в пятьдесят тысяч долларов вас устроит?..

Маргарите показалось, что она ослышалась. Откуда у генерала ФСБ такие шальные бабки? Неужели силовикам повысили зарплату? Или глава департамента по борьбе с терроризмом тайно берет взятки?..

«Черт побери, это не твое дело! – нашептывал внутренний голос. – Только полный идиот откажется от такого лакомого кусочка, как пятьдесят штук!»

И она, улыбнувшись теперь уже самой обворожительной из своих улыбок, утвердительно кивнула:

– Считайте, что мы договорились.

2

– «Шерше ля фам», как говорят французы. Что в переводе означает – «ищите женщину». – Маргарита сделала паузу, дабы убедиться, что Павел хоть мало-мальски вникает в то, о чем идет речь. Павлу же было не до таких нюансов, как интонация напарницы. Он слушал ее, как в полусне, думая о своем. После недавнего дела ему вообще было на все наплевать – на идиота Саранского, на это чертово агентство, на нового клиента, явно страдающего манией мщения, на ослепительно-красивую Марго, сидевшую перед ним в искусительной позе Афродиты. Единственный человек, о котором безо всякого раздражения он мог думать сутками напролет, была его дочь Светлана. Пока Маргарита с воодушевлением рассказывала о визите некоего генерала, Павел прикидывал, куда лучше отправить дочь на отдых: на Украину или в Болгарию? На Украину – ближе, в случае чего, туда можно и мотануться. На самолете, например, времени много не займет. Но в Болгарии, говорят, сервис получше...

– Ты, как всегда, витаешь в облаках! – раздраженный голос Маргариты заставил Павла повернуться в ее сторону. Как хорошо, что по роду занятий он научился владеть своей мимикой – на его лице, кроме вежливой заинтересованности, не отразилось ничего другого.

– Ты не права. Я слушаю тебя очень внимательно. Продолжай.

– Так вот...

Под журчащий голосок Маргариты он вновь погрузился в размышления о дочери. Так куда отправить ее из душной Москвы? В Крым? Или на Золотые пески?.. В Крым, оно, гля-

дишь, и дешевле, но разве в таких ситуациях можно экономить? Надо, чтобы девочка как следует отдохнула, окрепла. Впереди – долгая зима...

«Все, хватит! – мысленно приказал себе Павел. – Ради той же Светланки ты просто обязан взять себя в руки и слушать эту белиберду про маньяков, рекламных магнатов и шизоидных генералов ФСБ... Если и дальше будешь все игнорировать, ребенок может вообще остаться на бобах».

– Я все понял, – оборвал он Маргариту на полуслове. Оборвал слишком резко – и тут же почувствовал угрызения совести. Марго разве виновата, что он сегодня встал не с той ноги? Ей самой, поди, несладко. Трудится целый день как пчелка: придумывает хитрые комбинации, отдает приказания, следит, чтобы отупевшие от жары «мальчики» чего-нибудь не напортачили.

– Извини, – он взял со стола пачку сигарет, – но я и вправду понял, что от меня требуется, – и чтобы Маргарита не посчитала его голословным, принялся перечислять: – Первое, организовать наружное наблюдение за неким капитаном Бондаренко, который возглавляет оперативно-розыскную группу по делу об убийстве Екатерины Гольцевой. Проследить, чтобы парни прилепили ему на задницу сверхчувствительный микрофончик. Второе. В течение дня установить личность любовницы Гольцева. Что касается его самого... Так его разработку берешь на себя ты.

– А я была уверена, что ты меня совсем не слушаешь, – с восхищением произнесла Маргарита и вслед за Павлом вытряхнула из пачки сигарету. Щелкнула зажигалкой, глубоко затянулась и, проследив за поднимающимся к потолку облачком дыма, вдруг заявила: – Ну, а теперь я хочу услышать твое мнение по этому делу. Давай, колись, а то сидишь, как сыч, слова из тебя не вытянешь.

У него не было никакого настроения философствовать на эту тему. От того, что он выскажет вслух свое мнение, ровным счетом ничего не изменится. Но Маргарита ждала, и Павел со скучающим видом изрек:

– Мы ввязались в очередное дерьмо.

– Это я и без тебя знаю. Но в данном случае нам хотя бы заплатят. Не забывай – пятьдесят штук. И это только начало! А вот то, что мы делаем для Саранского, не лезет ни в какие ворота.

«Что-то она слишком смело высказывается о том, о чем надо говорить шепотом, да и то на чужой кухне, – искренне удивился Павел. – Здесь же микрофонов понатыкано, как селедок в бочке!»

Маргарита, словно прочитав его мысли, весело улыбнулась. Дескать, где наша не пропадала, пусть слушают, гады ползучие, пусть знают, что о них думают самые удачливые агенты особого отдела...

Что греха таить, иногда он искренне завидовал этой беспшашной девчонке. Завидовал ее нахальству, уверенности в собственной незаменимости, ее жажде жизни. Впрочем, завидовать было чему – Маргариту бог наградил не только красивыми ногами и ангельским личиком, но и нестандартным мышлением. Вот девка, везде поспела – и внешность сумела отхватить, и мозги! Иногда ее пробивало на такие сногшибательные идеи, что даже сам шеф от зависти потел и бледнел, не говоря уже о рядовых сотрудниках отдела.

А вот себя Павел не считал совершенством. Ну, умеет он метко стрелять, владеет парой хитрых приемчиков, в свое время окончил Строгановское училище и чуть не заделался художником. Ну и что? Да таких, как он, пруд пруди. Правда, для Строгановки нужен талант, но для того, чем он сейчас занимается, даже особых способностей не требуется...

«Интересно, какого черта Игорек Зиновьев, не вспоминая обо мне столько лет, настойчиво предлагает встретиться?... – вдруг подумал он. – И что это за „одно дельце“, которое надо серьезно обмозговать?»

– Ты опять в другом измерении? Эй, очнись, а то все проспичь! О чем ты думаешь, Андронов? Опять о дочери?

На этот раз она попала пальцем в небо, но Павел не стал возражать.

3

В деле об убийстве Екатерины Гольцевой неожиданно появились новые факты. И совсем не с той стороны, откуда ожидал капитан Бондаренко. Как оказалось, уже полтора года Вениамин Гольцев встречался с другой женщиной и, по заверениям очевидцев, был влюблен в нее, как мартовский кот. Пассию «короля рекламы» звали Анжеликой Кирилиной. Работала она дизайнером в его же компании. Была хороша собой, экстравагантно одевалась и жила гораздо лучше, чем позволяла ее зарплата.

Об этих встречах знали немногие, но те, кто был в курсе, в один голос уверяли, что Анжелика Кирилина имеет на своего босса огромное влияние. И, в отличие от мягкого и тактичного Гольцева, Лика – человек решительный: если видит перед собою стоящую цель, пойдет на все, чтобы достичь желаемого.

Опросив свидетелей, Бондаренко пришел к вполне конкретным выводам – особенности характера Лики Кирилиной вполне могли подтолкнуть Вениамина Гольцева на радикальные действия. Вот только стоило ли ради зеленых глаз дизайнерши марать руки?

Чтобы расставить все точки над «і», Бондаренко решил побеседовать с Кирилиной еще раз. Не далее, как три дня назад, он уже говорил с нею (как, впрочем, и со многими другими работниками компании). Надо признаться, дизайнерша, как и другие, о боссе говорила мало – и только хорошее. Оно и понятно – в коммерческих структурах не принято доверять людям в погонах. Мало ли что они тут вынюхивают? Говорят, что расследуют убийство, но кто его знает, во что может вылиться ненароком оброненная фраза или случайный намек? Глядишь, нагрянет налоговая инспекция, и тогда прощай «Нью-Старс», прощай денежная работа... На тот момент показания Анжелики Кирилиной Бондаренко вполне устраивали. Но теперь, в свете последних событий, он решил взяться за дизайнершу всерьез. Как говорится, раскрутить на всю катушку...

Приглашать Кирилину на Петровку он не стал. Ну разве в его кабинете (два на два) можно вести допрос? Кондиционера там нет, а кофе приходится варить дедовским способом – кипятить в стакан и... пока пена не поднимется. Да ко всем прочим «прелестям» его так называемый «офис» частенько напоминает проходной двор – заглядывают все кому не лень. А закрыть дверь на защелку нельзя – сразу по управлению расползутся слухи, что капитан Бондаренко на рабочем месте занимается «делами, порочащими звание офицера». И потом доказывай, что ты не верблюд...

С утра Бондаренко позвонил в «Нью-Старс», назначил Кирилиной встречу в летнем кафе на Арбате и настоятельно попросил не опаздывать. Впрочем, он был уверен, что это предупреждение для Кирилиной – пустой звук. Такие дамочки, как она, всегда опаздывают, независимо от того, идут они на важную деловую встречу или в косметический салон. И, что самое парадоксальное, считают дурным тоном приходить вовремя.

Однако, как показало время, Бондаренко здорово оплошал: когда он без пяти минут семь подъехал к кафе, рыжеволосая Анжелика уже была там. Сидела за одним из столиков, демонстрируя потрясающей красоты коленки, попивала кофеек попеременно с вином и нетерпеливо поглядывала на часы.

– Здравствуйте, Анжелика Владимировна! – приветливо поздоровался Бондаренко, присаживаясь на свободный стул.

– Здравствуйте, – сквозь зубы процедила дизайнерша. На ее хорошеньком, чуть конопатом личике так явно читалось недовольство, что капитан сразу предположил – разговор может не получиться.

Обоснованность его гипотезы была тут же подтверждена: Анжелика вновь посмотрела на свои маленькие швейцарские часики и нахально заявила:

– Беседовать с вами я могу не больше сорока минут. В двадцать ноль-ноль у меня важная встреча с японцами.

Словно Бондаренко вызвал ее сюда не для делового разговора, а чтобы пощупать ее коленки.

– Я не займу у вас много времени, – пообещал он, с трудом сдерживая раздражение. – Если будете отвечать на мои вопросы откровенно, справимся за полчаса.

Жестом подозвал официанта, попросил принести бутылку минеральной воды и в ожидании заказа откинулся на спинку стула. Анжелика нетерпеливо напомнила о себе:

– Давайте, начинайте. Не тяните резину!

Однако Бондаренко задал свой первый вопрос лишь после того, как получил долгожданную минералку:

– Вы давно спите с Гольцевым?

Анжелика возмущенно захлопала ресницами и густо покраснела. Залилась краской, как невинная гимназисточка. Казалось, даже кончики пальцев ее ног стали пунцовыми.

Бондаренко знал, что все рыжие краснеют легко и быстро. И чаще всего не тогда, когда им совестно. Анжелика, судя по всему, не была исключением из правил. Вопрос о Гольцеве ее не смутил, а разозлил. Ну подумаешь, трахается она со своим шефом. Так делают сотни тысяч молоденьких, хорошеньких девочек. А вот что какой-то паршивый мент лезет в ее личную жизнь своими грязными лапами, это уже серьезно!

Подавшись вперед, зло прошептала:

– Вы что, совсем свихнулись?.. Выбирайте выражения, товарищ капитан.

В нос ударил крепкий запах французской парфюмерии, и Бондаренко едва удержался, чтобы не чихнуть:

– Отвечайте – да или нет.

И хотя Анжелика старалась держаться как можно естественнее, чувствовалось, что она напряжена.

– Вы угадали. Я с ним сплю. Уже восемнадцать месяцев. Но это, как мне кажется, не ваше дело!

– Как раз мое. Убита молодая женщина. Главный подозреваемый – ваш любовник. Откуда я знаю, может быть, вы вместе обтяпали это дельце?

– Да пошли бы вы... сами знаете куда! – Анжелика резко дернулась, при этом едва не опрокинув чашечку с кофе. – Я не хочу с вами разговаривать! А Катька... сама виновата!

– Виновата в том, что ее убили?

– Да нет, вы не так поняли, – было видно, что она пытается успокоиться. Дрожащими руками вытащила из пачки сигарету, милостиво разрешила Бондаренко дать ей прикурить и, глубоко затянувшись, пояснила: – Виновата в том, что шлялась с кем попало...

– И Гольцеву это надоело?

– Конечно. Но не настолько, чтобы решиться на убийство.

– А вы? Что скажете вы в свое оправдание? Я уверен, что со смертью Екатерины ваши шансы стать госпожой Гольцевой значительно возросли.

Анжелика медленно покачала головой, не сводя с Бондаренко враз потемневших глаз.

– Я ее не убивала.

– Это не более чем слова. Вы могли застрелить ее в порыве ревности. Или все продумали заранее?..

Анжелика вновь покачала головой, но в ее прямом, колючем взгляде что-то неуловимо переменилось. Теперь она смотрела на капитана как человек, бесповоротно принявший какое-то решение.

– Ладно, я вам все расскажу, – вдруг заявила твердо. – Но поверьте, я знаю немного... – Она замолчала, собираясь с мыслями, а затем уверенно продолжила: – Месяц назад Катьку похитили. По крайней мере, именно так сказал человек, позвонивший Гольцеву на мобильный. Вначале Веня не поверил. Решил, что Катька все подстроила сама... Она ведь могла заварить и не такое, особенно, когда ей были нужны бабки... Но когда с ним связались по Интернету и дали возможность поговорить с Катькой, он понял, что все это – не инсценировка...

4

«Жучок» – миниатюрный, не больше булавочной головки, – присобаченный за воротом рубашки капитана, работал исправно. Сидя в своей машине в нескольких сотнях метров от кафе, Павел отчетливо слышал каждое слово из разговора. Вначале было скучно и неинтересно: белобрысый капитан известными милицейскими приемчиками пытался навесить на свою собеседницу – рыжую, тощую девицу лет двадцати пяти – убийство жены Гольцева. Девчонка, как могла, отбрехивалась и строила из себя невинную деву Марию. Этакая Моника Левински на российский лад. Впрочем, отбрехивалась она неуверенно, капитан же «дожимал» ее вполне профессионально, что позволяло предположить, что рано или поздно он своего добьется.

Затем разговор, к огромному облегчению Павла, стал гораздо конструктивнее. Перестав ломаться, дизайнерша, захлебываясь от возбуждения, принялась выкладывать известную ей информацию, а капитан только и успевал, что радостно похрюкивать от счастья, нежданно-негаданно свалившегося на него.

– Похитители потребовали двести тысяч долларов, и Веня стал спешно искать деньги... Если не верите, можете позвонить в банк, где он держал сбережения... Естественно, Веня в милицию не обращался. Это было одним из условий. О том, что его жену похитили, знала только я... – рыжая замолчала, и Павел, воспользовавшись заминкой, на всякий случай проверил диктофон – записывает или нет. Диктофон исправно записывал, значит, можно было чуток расслабиться.

– Когда Веня собрал нужную сумму, они вновь позвонили. Сказали, куда и когда принести деньги...

– Ну и как же происходила процедура обмена?

– Очень просто. Дипломат с деньгами Веня должен был положить в какую-то там ячейку на Белорусском вокзале. Код ему сообщили заранее. Он выполнил все условия. Все! Он был уверен, что не сегодня-завтра Катьку доставят домой целой и невредимой... Но он ошибся! Ее убили. Кто и почему, я не знаю...

– Вам нетрудно будет повторить эту историю еще раз? – Голос капитана заметно подрагивал от возбуждения. – Только уже в прокуратуре и со всеми подробностями. Нужно записать ваши показания...

– Да ради бога, – ответила неуверенно девица и тут же вздохнула. – Надеюсь, это поможет.

– Я тоже искренне надеюсь.

В отличие от капитана, Павел не испытывал никакой радости от того, что дело наконец-то сдвинулось с мертвой точки. Если информация, изложенная рыжей, достоверна, то для сыщиков агентства самая запарка только начинается. Ведь возможностей у них гораздо меньше, чем у уголовного розыска.

В этот момент он вдруг почувствовал какое-то непонятное напряжение внутри себя. Машинально посмотрел туда, где допивали кофеек капитан и рыжая, и неожиданно осознал – сейчас что-то произойдет. В воздухе совершенно определенно запахло крупными неприятностями. И словно накаркал: откуда-то с боковой улочки прямо к столикам вырулил сверкающий

мотоцикл с двумя седоками в наглухо закупоренных шлемах. Оба были в перчатках, и это в такую-то жару! Вдобавок тот, что сидел сзади, держал в руках объемистую сумку.

Как только мотоцикл поравнялся с капитаном и его собеседницей, пассажир ловко вытащил из сумки автомат Калашникова и направил оружие на капитана. Павел мог поклясться, что слышал звук взведенного затвора. Только потом, когда в его сознание ворвалась автоматная очередь, понял: он же не снял наушники...

Это было так дико: наблюдать за происходящим с безопасной дистанции и слышать малейший шорох, всхлип, крик, словно все это происходило на расстоянии вытянутой руки.

– Твою мать! – заорал капитан и попытался выхватить пистолет.

Но не успел – дернулся и стал медленно оседать на асфальт. Рыжая, получив свою порцию свинца, только прошептала «мамочка». Еще одна очередь для очистки совести, ненужное оружие – в сторону, и мотоцикл, взревев, вздыбился, увозя киллеров с места преступления.

По закону подлости (или везения?) путь отступления пролегал рядом с тачкой Павла. Он рванул из кобуры пистолет, щелкнул предохранителем, прицелился, но в последний момент опустил оружие. Он запросто мог снять мотоциклистов парой выстрелов, но не стал злоупотреблять своим положением. И не потому, что ему было жаль киллеров. Просто самое гиблое дело для сыщика – обрубать все концы. Парни наверняка выполняли заказ. Значит, проследив за ними, он запросто сможет выйти на того, кто поручил им убить Бондаренко и Кирилину...

Мотоцикл пронесся мимо, как вихрь, сметающий все на своем пути. На повороте накренился влево, тут же выровнялся и, лавируя среди машин, уверенно свернул в какой-то переулок. Павел завел мотор и рванул вслед за мотоциклом...

Глава 7

1

– Господин Гольцев?.. Очень приятно. Меня зовут Мария Воронина... Нет, вы меня не знаете, но к вам мне порекомендовал обратиться наш общий знакомый – Виктор Пейхвассе, – Маргарита перевела дыхание, давая возможность Гольцеву вспомнить, кто такой Пейхвассе и стоит ли доверять его рекомендации.

Слава богу, вспомнил и, слава богу, не бросил трубку. Только сухо уточнил:

– Это он дал вам мой номер?

– Он, а кто же еще? Не в справочнике же я его откопала!

После этого, согласно законам логики, Гольцев должен был легко и непринужденно пошутить. Однако он промолчал, и это Маргарите не очень понравилось.

Естественно, что Виктор Пейхвассе – один из крупных российских предпринимателей – ни сном, ни духом не подозревал, что она собирается нахально эксплуатировать его «честное» имя. В данное время он находился в Швейцарии, в закрытой клинике, поэтому даже при большом желании Гольцев не мог с ним связаться.

– Мне нужна хорошая реклама, – продолжала щебетать Маргарита. – Неброская, но со вкусом. И запоминающаяся... Наша партия собирается на думские выборы, а устоявшегося имиджа у нас пока нет.

– Вам известно, сколько стоят наши услуги?..

– Конечно.

– Тогда приходите в наш офис... скажем, в пятницу, в шестнадцать тридцать. Я распоряжусь, вас примут... Простите, как называется партия, которую вы представляете?

– Я хотела бы встретиться с вами лично, – твердо заявила Маргарита, проигнорировав последний вопрос. – И желательно сегодня. Причем в неофициальной обстановке.

– Извините, но это невозможно.

– Но Пейхвассе...

– Я ни для кого не делаю исключений. Даже для друзей Пейхвассе, – в трубке послышались короткие гудки, и Маргарита с досадой выругалась.

Гольцев оказался крепким орешком – не клюнул даже на столь сногшибательную рекомендацию. Значит, искать подходы к нему надо совершенно с другой стороны. Вполне возможно, что стоит обратить на себя внимание не как на заказчика, а как на женщину. Вот только где он бывает, этот Гольцев? Если верить досье, в рестораны он не ходит, по барам не шляется, значные места вообще не посещает. Дом – работа, работа – дом. Единственное место, куда он заглядывает время от времени, так это – к частному невропатологу профессору М. М. Караганову.

«Что ж, вполне подходящее место для знакомства, – подумала Маргарита, отыскивая в справочнике телефон частной клиники Караганова. – Главное, узнать, когда этому рекламному магнату снова приспичит подлечить свои расшатавшиеся нервишки. Учитывая последние события, ждать, пожалуй, долго не придется».

Чтобы расположить к себе медсестру, сидевшую в регистратуре у Караганова, Маргарите хватило пятидесяти баксов. По-видимому, маститый профессор держал подчиненных в черном теле – платил мало, работать заставлял много и вниманием не баловал. Благодаря всему этому Маргарите удалось выяснить, что Вениамин Гольцев (вот где удача!) записан на прием к Караганову на сегодня, на восемь вечера.

Без четверти восемь она подъехала к клинике, припарковалась и заглушила мотор. По сотовому связалась со своими «мальчиками», проверила, все ли на месте, и, дав последние указания, стала ждать. Ровно в восемь подкатил сверкающий «шестисотый» «Мерседес» темно-лилового цвета. Первым из тачки выскочил водитель – здоровенный бугай с лицом олигофрена. Бегло осмотрел окрестности (видимо, он был по совместительству еще и охранником) и, убедившись, что на горизонте нет никаких подозрительных субъектов, открыл заднюю дверцу. Из салона вальяжно выбрался господин Гольцев. Надо признаться, на фотографии он выглядел гораздо отвратительнее, чем в жизни. При ближайшем рассмотрении Гольцев оказался очень даже ничего – чуток полноват, зато на озабоченном лице явно прочитывался интеллект. Это особенно бросалось в глаза в присутствии водителя.

Отдав какое-то распоряжение, после чего олигофрен с видом побитой собаки вновь втиснулся в салон тачки, Гольцев направился к зданию клиники. Маргарита решила не торопить события. Глядишь, после визита к невропатологу объект станет не в пример благодушнее.

Гольцев пробыл у профессора около сорока пяти минут. За это время Маргарита успела выкурить три сигареты, десять раз подкрасить губы, раз пять расчесать волосы и одним глазком просмотреть свежий выпуск «Московского комсомольца». Ровно в восемь пятьдесят сотовый Маргариты зазвонил.

– Объект вышел из кабинета, – слышалось в трубке.

– Действуем строго по плану, – на всякий случай напомнила она. Последний раз посмотрелась в зеркальце и, скорчив самой себе устрашающую гримасу, выбралась из машины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.